

Andreevskii, S. A.

OK
SS

С. А. АНДРЕЕВСКИЙ

СТИХОТВОРЕНІЯ

1878—1885

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эргелевъ пер., д. 11—2
1886

D 3453
A5 A17
1826

Beauty is the sole legitimate province of the poem; melancholy is thus the most legitimate of all the poetical tones.

Edgar A. Poe.

I.

Д у м а.

Какъ жутко въ чудный, свѣтлый день,
Въ концѣ весны, въ началѣ лѣта,
Когда цвѣтеть уже сирень
И ландышъ не утратилъ цвѣта, —
Замѣтить свѣжное пятно
Въ глухомъ, безжизненномъ оврагѣ,
Гдѣ долго прячется оно
Въ приютѣ сумрака и влаги.

Такъ наше сердце иногда
Смущаетъ горестная дума,
И старость мертвая угрюмо
Грозится издали, когда,
Еще въ цвѣтушіе года,
Среди красотъ незамѣнимыхъ,
Завѣтовъ жизненной весны —
Случится намъ въ кудряхъ любимыхъ
Подмѣтить нити сѣдины.

Я вспомнилъ дѣтскіе года...
Понять ихъ сердце не сзумѣло
И все, что прежде въ немъ горѣло,
Въ немъ не оставило слѣда.

Я вспомнилъ дѣтскія черты...
Куда ты, время, ихъ дѣвало?
Какъ сномъ навѣянной мечты,
Улыбки ласковой не стало.

Скажи, дитя: гдѣ голосъ твой?
Гдѣ нѣжно-сотканное тѣло?
Увы! Мы чуждые съ тобой,
Ты отдѣлилось... улетѣло.

Желалъ бы, о тебѣ горюя,
Пойти оплакивать твой слѣдъ,
Твоей гробницы не найду я:
Тебя нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ!

Что смерть убьетъ, — надъ тѣмъ могила
Отраду горести даетъ;
Что море жизни унесетъ —
То будто вовсе и не жило.

Первый слѣдъ.

Шель тихо снѣгъ обильный и пушистый,
Ложась легко на бѣлыя поля;
Въ молочный цвѣтъ, ласкающій и чистый,
Слились въ тотъ день и небо и земля.
Въ сыромъ теплѣ и воздухѣ привольномъ
На саняхъ въ даль летѣли мы вдвоемъ,
И много звѣздъ, въ круженьи своевольномъ,
Оставилъ снѣгъ на личиѣ твоемъ;
Къ твоей косѣ подерался онъ въ косынку,
Сѣдую пыль въ рѣсницы заронилъ,
На край щеки принесъ тебѣ слезинку,
И все рѣзвѣй, все гуще семенилъ,
Какъ будто вдругъ онъ весь пустился въ танецъ;
Порой глаза ты жмурила, смѣясь,
Тебя живой охватывалъ румянецъ,
И мы неслись — застывъ, не шевелясь...

Сталь рѣже снѣгъ. Виднѣй была окрестность,
Нашъ конь усталъ, мы двигались шагкомъ.
Въ коврахъ зимы свѣтившаяся мѣстность,
Простора тишь блаженная кругомъ —
Въ насъ вызвали ребяческую радость...
Ты ручку мнѣ изъ муфты подала.
Я испыталъ невѣдомую сладость,
Коснувшись въ ней. Согрѣта и бѣла,
Она еще хранила запахъ мѣха
Въ тотъ мигъ, какъ я въ губамъ ее прижалъ:
Невинныхъ лѣтъ опасная утѣха,
Кто сладкихъ чаръ твоихъ не испыталъ!
Тотъ поцѣлуй пролилъ на сердце нѣгу,
Впервые въ насъ проникла дрожь любви:
Такъ мы, скользя по дѣвственному снѣгу,
Въ безслѣдный путь врѣзали колени.

Въ блескъ.

Твой уборъ головной возвышается пышно,
Облекаетъ тебя прихотливый нарядъ,
На коврахъ у тебя человѣка не слышно,
На рукахъ и на шеѣ каменья горять.

Полулежа сидишь ты на цѣнныхъ гобленахъ,
Отражаетъ тебя дорогое трюмо;
Предъ тобою, блистая на мраморныхъ стѣнахъ,
Преклонилось за деньги искусство само.

Но ты помнишься мнѣ, когда косы змѣились
У тебя по кисейной рубашкѣ твоей,
Звонко пѣсни и смѣхъ надъ тобою носились,
Ослѣпляла ты взоръ безъ сіянья камней.

Мы сидѣли съ тобой на скамейкѣ досчатой
И глядѣли на зеркало свѣтлой рѣки
Въ деревенской глуши, безъ искусства богатой,
Тамъ, гдѣ золото—рожь, бирюза—васильки.

Въ теплой тучкѣ звѣздочка свѣтила,
Сквозь дымокъ на божій міръ глядѣла
И, мигая, сердцу говорила:
„Не тоскуй, жди лучшаго удѣла!“

— Безполезны, звѣздочка, намеки!
Въ сизой тучкѣ скоро ты утонешь.
Небеса при жизни мнѣ далѣки,
А въ могилу свѣта не заронишь...

—♦—

Отъ милыхъ строкъ, начертанныхъ небрежно,
Когда-то жившею рукой
Незримый духъ, безропотно и нѣжно,
Намъ вѣсть тихую тоской!

Безмолвенъ гробъ, портреты безотвѣтны,
И вы лишь, блѣдныя слова,
Забытымъ здѣсь даете знаеъ завѣтныи,
Что тѣнь души еще жива!

—♦—

Я сижу у проѣзжей дороги,
Гдѣ, не зная, что значить печаль,
Дѣти юности гордо, какъ боги,
Беззавѣтно уносятся въ даль.

Тамъ, я знаю, на жизненномъ полѣ —
Какъ немного вы спуститесь внизъ —
Вашу дѣтскую спѣсь поневолѣ
Не одинъ опечалитъ сюрпризъ.

Запылятся въ дорогѣ одежды,
На вѣнкахъ пожелтѣютъ цвѣты,
И не сбудутся ваши надежды,
И развѣются ваши мечты...

Вижу я, что впередъ безразсудно
Всѣ въ одномъ направленьи спѣшать,
Что въ повинутомъ краѣ такъ чудно,
А никто не проходитъ назадъ!

Всѣ легли и лежать у дороги...
Но, не зная, что значить печаль,
Дѣти юности гордо, какъ боги,
Беззавѣтно уносятся въ даль.

Меня зоветь осенній шумъ дубовъ
Въ родной пріють уединенья,
Гдѣ подъ шатромъ безтрепетныхъ листовъ
Я зналъ минуты наслажденья.

Тотъ легкій вѣвъ развѣянъ и снесенъ
Давно умолебшими вѣтрами,
Но слѣдъ одинъ прошедшаго спасенъ,
Щадимый быстрыми годами:

Два слова есть на пепельной корѣ
Березы блѣдной и печальной,
Ихъ слѣдъ окрѣпъ на мягкомъ серебрѣ
Ея коры первоначальной.

Я въ тѣнь иду безъ ропота, безъ словъ,
Не тороплюсь, гонимый страстью,—
Меня зоветь осенній шумъ дубовъ
Отдать привѣтъ бывшему счастью.

—♦—

Чистый образъ видѣнья любимаго,
Не слетай надо мною свѣтить
И усталое сердце будить
Не пытайся отъ сна нерушимаго!

Не играй лучезарными красками
Предъ опущеннымъ взоромъ моимъ
И въ восторгамъ, давно неживымъ,
Не зови неотступными ласками...

Тихій сонъ агоніи спасительной
Не тревожь дуновеньемъ крыла,
И безкровную блѣдность чела
Не кропи мнѣ росой освѣжительной...

Надо мною въ нѣмой тишинѣ
Струны счастья вдали обрываются,
Тѣни милыя, молча, прощаются, —
Дай безъ мучъ успокоиться мнѣ!

—♦—

Не повторяй, что радости превратны
И кратковременны мечты:
Безпечнымъ дѣтямъ суеты
Слова печали непонятны.

Насъ тѣшитъ міръ,
Какъ шумный пиръ,

Гдѣ ярко свѣтитъ газъ и женщины смѣются
И звуки вальса раздаются.

Пускай нѣмая ночь, за мраморной стѣной,
Черна, какъ трауръ погребальный:

Не заразится воздухъ бальный
Ея безжизненною тьмой.

Взгляни: тяжелый штофъ, и тюль, и кружева

На окнахъ складками повисли, —

Мы гонимъ сумрачныя мысли,

Въ насъ жажда счастья жива!

Иди съ своей тоской, задумчивый пророкъ,
Въ лѣсныхъ дебри и въ пустыни,
Гдѣ, въ созерцаніи святыни,
Ты будешь вѣчно одинокъ.
Тамъ рѣчи дальнихъ звѣздъ отшельникамъ понятны,
Тамъ тихо падаютъ листы,
Тамъ будешь повторять, что радости превратны
И братвовременны мечты...

Даль прошлаго.

Неуловимая, минутная отрада,
Коварная, какъ блескъ измѣнчиваго взгляда,
Мнѣ грѣтъ иногда безжизненную грудь
И къ счастью прошлому указываетъ путь:
Какъ искорки, горять въ душѣ воспоминанья —
Минувшая любовь, отжившія желанья
Слетаютъ чередой, въ туманномъ полуснѣ,
Тревожить радости, застывшія во мнѣ.
Въ обманчивомъ бреду я сердцемъ оживаю
И старой пѣснѣ въ ладъ — аккордамъ отвѣчаю,
И, кажется, ловлю, севозь дальній сумракъ лѣтъ,
Заглохшаго огня мерцающей просвѣтъ, —
Но вскорѣ, отрезвись, я снова каменью
И силы юныхъ чувствъ постигнуть не умѣю.

Вотъ скоро сметутся наносы мятели
И въ зелени сада проснутъ вачели,
    И выбѣгутъ дѣти шумѣть,
    И станетъ красавица пѣть
Въ раздумьи вечернемъ, у оконъ отерыхъ,
О радостяхъ, нами давно пережитыхъ,
    И синія тучи весны
    На западѣ будутъ видны...

И намъ лучезарное время свѣтило,
И небо весеннее къ жизни манило,
    И легкія тучи на немъ
    Играли заманчивымъ спомъ;
Но съ сердцемъ усталымъ и грудью холодной
Какъ примемъ объята природы свободной,
    И что въ насъ откликнется ей,
    Когда запоетъ соловей?..

С л е з ы.

Тихо и дружно текутъ эти жаркія слезы,
Съ ними по каплѣ растаяло горе въ туманѣ,
Мирное сердце не ждетъ ни откуда угрозы,
Теплой волной подошло исцѣленіе въ ранѣ...

Вотъ и суровой печали не стало въ поминѣ...
Грудь-же свободная робко о чемъ-то вздыхаетъ:
Таеъ-то душевныя бури стихаютъ въ пустынѣ!
Таеъ-то горячее сердце отъ слезъ остываетъ!

— 44 —

Я скоронилъ для думъ ненарушимыхъ,
Для чистыхъ грезъ, для отдыха въ борьбѣ,
Средь милыхъ тайнъ, завѣтныхъ и любимыхъ,
Я скоронилъ привязанность къ тебѣ!

Издалева, забытый на чужбинѣ,
Люблю въ мечтахъ бесѣдовать съ тобой
Подъ стужъ часовъ на гаснущемъ каминѣ,
Подъ музыку сосѣдки молодой.

Люблю гадать, кого съ желаннымъ пыломъ
Ты назовешь избранникомъ своимъ?
И долго-ли на сердцѣ неостыломъ
Онъ будетъ жить никѣмъ незамѣнимъ?

Мнѣ жребій твой рисуется счастливымъ,
Любовь и миръ пророчу я тебѣ,
Всѣ дни твои съ участіемъ ревнивымъ,
Съ молитвами довѣрилъ я судьбѣ.

И лишь порой, сомнѣнныи терзаемъ,
Боюсь считать бѣгущіе года,
Боюсь, что врозь мы счастья не узнаемъ,
А близкими не будемъ никогда.

*

Я часто вижу взоръ плѣнительныхъ очей,
Полузавѣшенныхъ рѣсницами густыми,
И брови тонкія подъ прядями кудрей,
И станъ, нетронутый объятіями земными.

Я вижу, будто-бы, сѣвозъ юныя черты,
Улыбка ангела, разставшагося съ міромъ,
Зоветь презрѣнными житейскія мечты
И счастье здѣшнее — безмысленнымъ кумиромъ.

Но кто увѣруетъ въ таинственный языкъ
И въ знаки темные печальныхъ привидѣній?
И въ комъ отъ горести закроется родникъ
Земныхъ измѣнчивыхъ, но милыхъ намъ стремленій?

Въ уютной комнатѣ, среди твоихъ подругъ,
Подъ говоръ юношей счастливыхъ и влюбленныхъ,
Не жалко мнѣ людей, надеждой ослѣпленныхъ,
Но жалко мнѣ тебя, тебя, забытый другъ!

Л и л і я.

ПОДРАЖАНІЕ ГЕЙНЕ.

Любовью въ мѣсяцу сгорая,
Давно ужъ лилія груститъ
И въ дальній міръ, въ предѣлы рая,
Съ напрасной жаждою глядитъ.

И безутѣшна, и стыдлива,
Слезами вся орошена,
Въ пустыню неба дочь залива
Глядитъ всю ночь, не зная сна.

Но вдругъ она головкой бѣдной
Поникла къ трепетнымъ водамъ —
И съ нѣжной страстью мѣсяцъ блѣдный
Упалъ, дрожа, къ ея ногамъ...

—♦—

Помнишь лѣтнюю ночь? Съ поля пахло дождемъ,
Въ тишинѣ предъ грозой замирала земля...
Какъ ту ночь хорошо было слушать вдвоемъ
Намъ украдкой съ тобой, дорогая моя!

Онѣмѣли цвѣты... лѣсъ тревожно затихъ,
Свѣтъ зарницы дрожалъ въ темносиней дали,
И столпилось въ душѣ столько грезъ молодыхъ,
Что и мы, какъ цвѣты, говорить не могли...

Черной сѣтью плелись силуэты вѣтвей
По каймѣ золотой потухавшей зари:
Та заря унесла лучшій блескъ нашихъ дней,
Но шепнули мы ей: „поскорѣй догори!“

И потухла заря. И какъ фея любви
Насъ окутала ночь безмятежнымъ крыломъ, —
А гроза въ сторонѣ зажигала огни,
И ревниво порой гдѣ-то вздрагивалъ громъ...

—♦—

Два желанья.

Въ тѣни дорогого алькова
Лежитъ онъ безсиленъ и старъ.
И дряхлое тѣло больного
Сжигаетъ мучительный жаръ.
Онъ пожилъ богато и сыто,
И дольше, чѣмъ можно желать;
Весь тонкій развратъ сибарита
Ему довелось испытать.
И видя, какъ жизни привольной
Предъ нимъ обрывается нить,
Онъ стонетъ, кричитъ недовольный:
„Еще-бы... еще-бы пожить!“

Она молода и прекрасна.
Недавно ея нищета
Была нестерпимо-ужасна.
И вдругъ — золотая мечта! —

Ей счастье на мигъ улыбнулось:
Дремавшая въ тяжкой нуждѣ,
Любовь-чародѣйка проснулась,
Заставивъ забыть о трудѣ.
И шепчетъ она, молодая,
Слезами блаженства рыдая,
Усталая горе терпѣть: —
„Теперь-бы... теперь — умереть!“

Н е б о .

Я неба не пойму: покровъ его туманный
Въ поляхъ и въ городѣ витаетъ надо мной,
Преслѣдуетъ меня съ настойчивостью странной
И свѣтитъ мнѣ въ окно, вникая въ уголъ мой.

Мнѣ въ немъ не нравится наружный видъ участя,
Его глубокіе, безъ очерка, глаза,
И странно, что всегда, въ тяжелый мигъ несчастья,
Предъ нимъ съ довѣріемъ дрожить моя слеза!

Не разъ я сѣтовалъ, что много думъ завѣтныхъ,
Которыхъ не узналъ любимый въ мірѣ другъ,
Разсѣялъ я на немъ, въ пустыняхъ безотвѣтныхъ,
Невольно съ нимъ дѣля мечтательный досугъ.

Я неба не пойму: подъ маскою нарядной
Надежды за всю жизнь я въ немъ не прочиталъ—
И все-же я скажу: знакомъ покой отраднѣй
Тому, кто передъ нимъ очей не опускалъ...

Я ревнивъ въ этой зелени нѣжной
Первой зелени вѣшнихъ лѣсовъ,
И до самой зимы бѣлоснѣжной.
Любоваться-бы ею готовъ.

И въ концѣ плодотворнаго мая,
Примѣчая богатство листвы,
Я ужъ думаю, грустно мечтаю:
„Гдѣ ты, юность! о, юность... увы!“

*

—♦—

Проснулся вновь, глажу осиротѣлый
На новый день: мой другъ вчера угасъ,
Поникъ вдали, нѣмой и охладѣлый...
И все бѣднѣй союзниковъ запасъ,
Все лучше отъ жизни сторонятся!
Найду-ль иныхъ? Уже недалеко
Дни старости безцвѣтно серебрятся:
Усталый духъ роднится не легко!

А день хорошъ, какъ будто нѣтъ въ природѣ
Жестокихъ дѣлъ и горестныхъ утратъ:
Свѣжѣетъ воздухъ; осень на исходѣ,
Морозомъ кроетъ лиственный нарядъ;
Толпа снуетъ съ весельемъ и заботой,
Воскресный звонъ гудитъ издалека,
И дымными грядями съ позолотой
На небѣ утреннемъ слоятся облака...

—♦—

Бду въ сумерки: зимняя тишь,
Все блѣдетъ, куда ни глядишь,
И больница, и церковь, и домъ
Мирно свѣтятся яркимъ огнемъ.
Теплый вѣтеръ подулъ и затихъ,
Свѣжимъ дымомъ запахло на мигъ,
И дрожить при лучахъ фонарей
На снѣгу тѣнь лошади моей,
И кругомъ суеты не слышать,
Словно жизнь утомилась роптать,—
Будто легче звучать голоса,
Будто ближе къ землѣ небеса,
И я жду — сердце бьется въ груди—
Тайной радости жду впереди...

Жди меня!

Эпитафія.

Любимой подруги утрата
Мнѣ сжала отчаяньемъ грудь...
Я думалъ: не видно возврата
На прежній безгорестный путь!

И страстно твердилъ я, рыдая:
„На сердцѣ больного слѣда, ..
Клянусь я, влянусь, дорогая,
Не смоетъ ничто никогда!...“

Но мѣсяцы шли вереницей,
Смѣнялись тепло и морозъ —
И я передъ тихой гробницей
Ужъ могъ преклоняться безъ слезъ.

А позже я каялся Богу,
Что въ сердцѣ печаль не долга,
Что здѣшняя жизнь понемногу
Мнѣ сдѣлалась вновь дорога...

И въ дни панихиды годичной,
Послушавъ бряцанья кадилъ,
Я въ ропоту жизни обычной
Слѣшу отъ печальныхъ могилъ.

Твердость.

Люблю твоихъ глазъ непорочную ясность
И смѣлую правду рѣчей,
И добрыхъ дѣяній святую негласность
Въ кругу незамѣтныхъ людей.
Но ежели счастье тебя отуманить
И съ лаской подрадется лесть,
И блага, которыхъ не счесть,
Фортуна къ тебѣ раболѣпно протянетъ, —
Незыблемъ останься межъ нихъ:
Такъ струны прямыя лучей золотыхъ,
Снопомъ ниспадая изъ купола храма,
Недвижны въ кудрявыхъ волнахъ омиама...

О П О Г О Д Ъ.

1.

Путь мелькаетъ, мы на волѣ,
Городъ изъ виду исчезъ,
Солнца нѣтъ на тихомъ полѣ
Свѣтло-дымчатыхъ небесъ.
Нынче дождика не будетъ:
Воздухъ вѣповъ и здоровъ,
И ненастье не разбудитъ
Полусонныхъ облаковъ.
По кремнистому извику,
Обогнувшему луга,
Мы спускаемся на ниву,
Гдѣ ужъ собраны стога.
Въ сторонѣ чернѣетъ ельникъ,
А внизу бѣжитъ потокъ...
Славный выдался денегъ —
Этотъ сѣрый понедѣльникъ.

Шумять ручьи, подсыжные ручьи...
Иная жизнь торопится на смѣну,
Ничей запретъ и жалобы ничьи
Не отвратятъ благую перемѣну!
Богатыхъ льдовъ заплачутъ хрустали,
Сѣдыхъ полей истреплется порфира,
И вздохъ, и паръ подымутся съ земли,
Летя навстрѣчу вольнаго эфира;
И звучный влиевъ пошлютъ подъ небеса
Хрипѣвшіе подъ стужей голоса,
И чуждыхъ странъ невиданныя птицы
Влетятъ въ окно провѣтренной темницы.

На крышѣ коннаго вагона.

Люблю, въ ласканы вѣтерка,
На крышѣ коннаго вагона,
Съ периль плебейскаго балкона
Глядѣть на городъ свысока,
Нестись надъ моремъ экипажей,
Глазѣть по окнамъ бель-этажей,
Въ кареты взоры опускать
И тамъ случайно открывать
На складкахъ шелковаго платья
Двухъ рукъ любовное пожатье...
Люблю глядѣть и за борты,
Колясовъ пышныхъ и глубокихъ
(Хотя внутри онѣ пусты),
Люблю камелій быстроовихъ,
Въ сіяны наглой красоты,
Обозрѣвать въ углу коляски,
Гдѣ, развалясь и глядя вбокъ
И туфли выставивъ носокъ,

*

Онѣ прохожимъ строить глазки...
Люблю весеннею порой
Съ высокой крыши подвижной
За институтскія ограды
Бросать непрошенные взгляды...
Никто навверхъ не поглядить,
Никто въ боязни малодушной
Предъ нашей публикой воздушной
Не лицемерить, не хитрить;
А взоръ повсюду нашъ парить...
И вотъ, когда мнѣ прямо въ носу
Вагонъ съ услугой подкатить —
Всегда навверхъ меня манить:
Взберешься, вынешь папиросу,
Сосѣдъ предложить огонька,
Кивнешъ признательно, закуришь,
Поговоришь, побалагуришь —
И всѣ, въ ласканьи вѣтерка,
На крышѣ коннаго вагона,
Съ периль плебейскаго балкона
На мѣръ глядимъ мы свысока.

Въ началѣ жизненной дороги
Я зналъ неясныя тревоги.

Я видѣлъ много милыхъ сновъ
Въ тѣни сиреневыхъ кустовъ.

Когда въ саду цвѣли жасмины,
Я волновался безъ причины.

О чемъ, при звѣздахъ, по ночамъ
Я слезы лилъ—не знаю самъ.

И нынче также, дни и годы,
При воѣ зимней непогоды,

При лѣтнемъ солнцѣ и весной
Въ тѣни сирени молодой

Я часто слезы проливаю—
Но слезъ, увы! причину знаю...

Мимолетная дума.

Майскія тучи наводятъ полуденный мракъ.
Вѣтки зеленыя въ небѣ дождливомъ качаются...
Вѣтки зеленыя! вѣчно-ли такъ,
Въ дальнемъ грядущемъ, гдѣ думы теряются,
Будете вы, какъ теперь, надъ людьми
Колебать опахала свои?..

Мадригалъ.

(л. с. я.)

Склоняюсь предъ тобой, какъ робкій богомолецъ,
Рука лилейная, прекрасная безъ колець,
И горько сътую: какъ поздно навонецъ
Въ тебѣ мнѣ встрѣтился желанный образецъ
Руки, невиданной межъ мраморовъ старинныхъ:
Ни пухлыхъ пальчиковъ, ни ямочекъ рутинныхъ,
Но что за линіи и что за красота!
Гляжу и думаю, любуюсь и ревную:
Къ кому-же ты прильнешь, въ преграду поцѣлуя,
Ладонью нѣжною на пылея уста?

Мимо возрастовъ.

Я перешелъ рубежъ весны,
Забывъ доврчивые сны
И грезы юности счастливой;
Въ туманы осени дождливой
Вступилъ я вялый и больной,
Проспавши тупо лѣтній зной —
И вотъ ознобъ колотитъ зубы,
А я безъ топлива и шубы.

И м а т р а .

Во рву, межъ деревьями сада,
Взлетая съ глубокаго дна,
Мельбаеъ хребетъ водопада,
Какъ бѣлыя хлопья руна
Гонимаго буреоу стада.

Сѣдая отъ пѣны рѣва
Бѣснуется въ ложѣ гранита,
И бьется въ стальные бока,
И съ ревомъ грохочетъ вѣва
И все еще гнѣвомъ не сыта!

Тамъ стѣны утесовъ черны
Отъ ярыхъ набѣговъ волны —
Отъ плеска пучины мятежной
Въ уступы темницы прибрежной;
Тамъ брызги надъ пѣнной горой
Взметають вѣнцы и фонтаны,

И млечныя пѣти порой
Гранить выливаетъ изъ раны.

Быстрѣ мельканія думъ,
Быстрѣ мгновенія ока
Летитъ подъ неистовый шумъ
Сто-гривая пѣна потока,
И, холодно сосны глядятъ
Въ выпящій внизу водопадъ,
И слушаютъ съ грустью березы
Его вѣковыя угрозы...

ОТЪѢЗДЪ КОРОЛЕВЫ.

14 августа 1561 г.*).

Бѣгутъ черты береговья
И тонуть въ сумракѣ холмы.
Галера зыблется. Марія
Стоитъ недвижно у кормы,
И на борту поволя руки,
Она все длитъ часы разлуки,
Вникая въ сѣрый небосклонъ,
Гдѣ тихій берегъ отгнѣненъ
Каймой вечерняго тумана.
Но вдругъ — со злобой урагана
Внезапный вѣтеръ зашумѣлъ
И теплый воздухъ посвѣжѣлъ,
Рябыя волны вздулись въ гнѣвъ,
И пажъ доноситъ королевѣ,

---

*) Брантомъ велъ журналъ путешествія Маріи Стюартъ.

*

Что ей для отдыха и сна
 Опочивальня убрана.
 Но королева не внимаетъ;
 На зовъ усиленный, она,
 Какъ-бы очнувшись отвѣчаетъ:
 „Я лягу здѣсь, вблизи руля...“ —
 И молвить кормчему съ привѣтомъ:
 „Когда французская земля
 Еще покажется съ разсвѣтомъ,
 Вы потревожьте отдыхъ мой —
 Я стану вновь передъ кормой“ .

И дулъ недаромъ вѣтеръ ночи:
 Восходъ безоблачный блеснулъ,
 Уплывшій край еще взглянулъ
 Въ ея заплаканныя очи!..

Забвенье ждеть... все канетъ въ немъ,
 Надъ каждымъ тѣнь его витаетъ...
 Историкъ бдительнымъ перомъ
 Ея дѣла оберегаетъ:
 Ея отъѣзда день и годъ
 Узнаютъ въ будущемъ народы;
 Узнаютъ, долго-ли межъ водъ
 И подъ крыломъ какой погоды
 Въ пути несла ее волна;
 Услугу вспомнить рулеваго
 Въ часы прощанья роковаго,

И знатной свиты имена,
И этот подвигъ идеальный
Ея растроганной души —
Послать *земль* привѣтъ прощальный
Въ безсонной утренней тиши.

Д р у г у.

„Кто посѣялъ со слезами—
пожнетъ съ радостью“.

Болгарская поговорка.

1.

Давно-ли я повинулъ васъ
Въ тяжелый день, въ угрюмый часъ?
Съ какой усталостью во взорѣ
Въ послѣднемъ нашемъ разговорѣ
Роптали вы на свой удѣль:

„Не тьма заботъ, не груда дѣлъ
Меня тревожатъ и смущаютъ,—
Мнѣ силы сердца измѣняютъ
И въ усиленьи стынетъ умъ.
Противень мнѣ столицы шумъ,
Ея бездушное приличье
И это прѣсное безличье,

Которымъ славенъ здѣшній людъ.
 Смотрите, какъ они спуютъ,
 Рабы мишурнаго стремленья,
 Толпы больного населенья!
 Какой ихъ праздникъ оживить?
 Какая встрѣча — изумить?
 И гдѣ тутъ чернь, и гдѣ — особы?
 Не всѣ-ль задѣланные гробы
 Межъ ними холодно плывутъ?
 Какія драмы потрясутъ
 Ихъ души, чуждыя тревогъ?..
 Плетясь по избранной дорогѣ,
 Ни негодяя, ни любя,
 Живетъ здѣсь каждый для себя...
 И стынетъ кровь: бывшая вѣра
 Безъ ободренья и примѣра
 Тупѣетъ въ сердцѣ молодомъ,
 И въ дуновеньи ледяномъ
 Цвѣты надежды увядаютъ...
 Безслѣдно годы протекають,
 А сколько силъ и свѣтлыхъ грезъ
 Сюда я нѣвогда принесъ!..
 Пускай иной, не зная боли,
 Убьетъ мечомъ желѣзной воли
 Пóрывы сердца — и найдетъ
 Призванье, чуждое заботъ,
 И обаянье славы громкой:—
 Такой безжалостною ломкой

Не всякій можетъ заплатить
 За право временно царить
 Въ глазахъ толпы неприхотливой...
 Есть судъ иной—и судъ правдивый!
 Его награда не въ одномъ
 Благополучіи земномъ;
 Практичный вѣкъ ему не внемлетъ,
 Его законъ лѣниво дремлетъ;
 Не многимъ страшенъ, какъ топоръ,
 Его суровый приговоръ,—
 И, право, здѣсь, въ стѣнахъ столицы,
 Съ невиннымъ сердцемъ голубицы
 Какъ разъ окажешься глупцомъ...
 Что дѣлать! Видно, наглецомъ
 И аферистомъ въ новомъ родѣ
 Я быть безсиленъ по природѣ.
 Работать я готовъ и радъ,
 Но тяжекъ внутренній разладъ
 Безъ облегчающаго вздоха,
 А этихъ улицъ суматоха
 Мнѣ сколько дѣтъ ужъ не даетъ
 Душевный выслушать отчетъ
 И свѣрить прошлаго итоги.—
 Возню и мелкія тревоги
 Желалъ-бы кинуть я на сроеъ,
 Укрывшись въ тихій уголокъ!
 Я каюсь вамъ: мечтой ревнивой
 Берегъ я долго мигъ счастливый,

Когда безъ горькаго стыда,
 Со славой виднаго труда,
 Я могъ-бы, бодрый и довольный,
 Подъ небо родины привольной
 Отсюда вырваться на югъ,
 И въ этотъ радостный досугъ,
 Въ обмѣнъ дружескихъ суждений,
 Набраться новыхъ поощреній...
 И вотъ, какъ видите: увы!
 Я все у берега Невы
 Теряю волосы и годы
 И жду привѣтливой погоды...
 Ушелъ сейчасъ-бы: да — бѣда!
 Грозится издали нужда, —
 Совсѣмъ заѣли неудачи...
 Теперь — весна... Убогой дачи —
 И той не въ правѣ я имѣть;
 Да и не хочется смотрѣть
 На эти жалкія картины:
 Туманъ, безтравныя равнины,
 Дождливо-сѣрый небосклонъ
 И, можетъ, я предубѣжденъ, —
 Но мнѣ мучительно-несносны
 Вездѣ чернѣющія сосны...
 А самый городъ! Боже мой! —
 Отъ передѣлокъ мостовой,
 Отъ вѣчно мокрыхъ троттуаровъ,
 Мундировъ, вывѣсокъ, швейцаровъ —

О, какъ желалъ-бы я отсель
 Бѣжать за тридевять земель!...“

II.

И мы простились... Другъ коварный —
 Спѣшилъ я, трижды благодарный,
 На Николаевскій вокзалъ,
 Гдѣ скорый поѣздъ поджидалъ
 Больныхъ искателей свободы.
 Черезъ мигъ—рѣшетчатые своды
 Свистомъ прощальный огласилъ —
 И паръ вагоны покатылъ.
 Не стану вамъ писать отчета
 О впечатлѣньяхъ перелета
 Отъ Петербурга до Москвы,—
 Его не разъ свершали вы.
 Скажу лишь вамъ: въ столицѣ древней
 Уже повѣяло деревней —
 Встрѣчались съ кучей узелковъ
 Фигуры смуглыхъ толстяковъ;
 У всѣхъ—цвѣтистѣе наряды,
 Теплѣе лица, проще взгляды,
 И вы, при видѣ москвичей,
 Невольно смотрите бодрѣй.
 Но дальше, дальше... Воздухъ новый
 Сгоняетъ съ сердца мразь суровый;

Неся на крыльяхъ отъ заботъ,
 Машина мчитъ меня впередъ
 И ужъ сулитъ изъ отдаленья
 Давно желанныя видѣнья.

Какая ночь!—Волшебный мракъ
 И запахъ лѣса: вѣрный знакъ,
 Что близокъ югъ и скрыто далью
 Южанъ томящее печалью
 Мерцанье сѣверныхъ ночей...
 При свѣтѣ утреннихъ лучей
 Открылись степи... Хороши
 Онѣ въ простой своей тиши!
 Какъ ихъ коверъ пушистъ и зеленъ,
 Просторъ — могучъ и непредѣленъ!
 Прохладой нѣжится лицо;
 Одно, какъ точка, деревцо
 Вдали, кудрявое, чернѣетъ;
 А тамъ, какъ парусъ, конь бѣлѣетъ
 Иль ниткой тянется обозь!..
 О, вы-бы тронулись до слезъ,
 Когда-бъ, нужды покинувъ цѣпи,
 Могли опять увидѣть степи!
 Все чище, ярче цвѣтъ небесъ...
 Привѣтъ тебѣ, знакомый лѣсъ!
 Ужъ нѣтъ растительности хвойной:
 Сосну смѣняетъ тополь стройный,
 И вотъ — раскинулась, видна

*

Благословенная страна,
 Гдѣ наша юность протекала.
 Вотъ милый городъ... Ты слетала
 Не разъ, далекая мечта,
 Ласкать любимыя мѣста!..

III.

Я отдохнулъ.—Въ тѣни акацій
 Досугъ студенческихъ вакацій
 Я будто снова пережилъ,
 И съ вами мысленно дѣлилъ
 Отраду новыхъ впечатлѣній.
 Какую смѣну наслажденій
 Даетъ провинція тому,
 Кто винетъ давящую тьму
 И гулъ столичнаго хаоса,
 Гдѣ неумолчныя колеса
 Гремятъ о вѣчной суетѣ!—
 Какъ, долго стиснутый въ бинтъ,
 Зѣваетъ маленькій ребенокъ,
 Освободившись отъ пеленокъ,
 И хочетъ ручки потянуть—
 Такъ радъ бываешь отдохнуть
 Въ средѣ затишья и привѣта.
 И думалъ я:—зачѣмъ безъ свѣта,

Безъ этихъ роцей и долинъ,
 Мы доживаемъ до сѣдинъ
 На нашемъ сумрачномъ болотѣ
 Въ борьбѣ, лишеняхъ и работѣ?

Зачѣмъ стремимся мы туда,
 Гдѣ гибнуть силы безъ слѣда?
 Здѣсь чище нравы, лучше — люди,
 У всѣхъ вольнѣ дышать груди,—
 Къ чему страдать! Нельзя-ли тутъ
 Найти спасительный пріютъ?..

Но, видно, юное похмѣлье
 Еще горитъ во мнѣ. Бездѣлье
 Не тѣшитъ жизни молодой:
 Мнѣ здѣшній тягостень застой...
 Здѣсь мало бодрыхъ, много спящихъ,
 И нѣтъ умовъ руководящихъ.
 Легко здѣсь можно пріобрѣсть
 Значенье видное, но честь —
 Не въ этой славѣ, а въ заслугѣ:
 Куда-жь у васъ, въ обширномъ кругѣ
 И силъ, и поприщъ всѣхъ родовъ,—
 Возможно болѣе плодовъ
 Принести полезныхъ и отрадныхъ!
 Условій много неприглядныхъ
 У васъ для сердца и души, —
 Зато задачи хороши!..

Въ покоѣ вольномъ, безъ завѣта,
Провель я мирный праздниекъ лѣта
Подъ лаской радужныхъ лучей,
Среди привѣтливыхъ полей,
Залитыхъ блескомъ изумруда, —
И что-жь? — Повѣрите-ль? — Отсюда
Опять болѣзненно манить
Меня вашъ сѣверный гранить!

С И Л У Э Т Ъ.

Ихъ больше нѣтъ! Средь горестей земныхъ
Ихъ близость къ намъ была неоцѣнима,
Но голосъ ихъ умолебъ и шагъ затихъ...
Стоить вдали жива, неотразима
Картина дней, когда мы съ ними шли
Путемъ тревогъ къ одной туманной цѣли,
Но всюду мракъ въ той сказочной дали,
Гдѣ взоры ихъ предъ нашими горѣли,
Какъ будто все погибло имъ во слѣдъ
И прошлаго у сердца будто нѣтъ.

Къ чему ихъ помнить? Черствое забвенье
Готовить имъ холодный умъ живыхъ;
Напрасное безумно сожалѣнье!
И спить любовь, и въ сердцу память ихъ,
Какъ нищій въ домъ, стучится бесполезно:
Мы гонимъ прочь назойливыхъ духовъ,

Охваченныхъ таинственною бездною,
 Откуда въ намъ неслышно голосовъ...
 Но люди есть — пускай они наивны —
 Съ той бездною ихъ связи неразрывны.

Тамъ столько лицъ, которыхъ не забыть!
 Вотъ силуэтъ исчезнувшей головки...
 Когда-бъ съумѣлъ художникъ оживить
 Глубокой взоръ, задумчивыя бровки,
 И гибкой станъ, и очеркъ юныхъ плечъ —
 Съумѣлъ огнемъ естественнаго свѣта
 Ея черты потухшія зажечь —
 Не мной однимъ была-бъ она воспѣта,
 И межъ иныхъ избранницъ красоты
 Плъняли-бъ міръ небесныя черты.

Но есть и въ томъ для скорби упоенье,
 Что у судьбы безжалостна рука,
 Что свѣтъ не зналъ о нашемъ сокрушеньи
 И не видалъ минутнаго цвѣтка;
 Что мы таимъ въ безмолвіи ревнивомъ
 Любимыхъ жертвъ святыхъ имена
 И что она, подъ сумракомъ дождливымъ,
 Безъ громкихъ словъ могилѣ предана;
 Что мы ушли отъ насыпи холодной
 Съ пустымъ умомъ и съ горестью бесплодной.

Зато съ тѣхъ поръ: сгрустнется-ли когда,
Увижу-ль гробъ на улицахъ столицы,
Иль черныхъ дней наступить череда
И влага слезъ ожжетъ мои рѣсницы,
Зайду-ли въ храмъ и тихую звѣздой
Во тьмѣ блеснетъ у образа лампада,
Иль вѣчный мразъ мелькнетъ передо мной
Въ тяжелый мигъ душевнаго разлада
И знанье злитъ, а въ сердца вѣры нѣтъ —
Мнѣ грезится туманный силуэтъ.

М а й.

Изъ лучшей стороны струясь и прибывая,
Тепло нахлынуло и брызнуль дождемъ мая:
Какъ дымъ вадильницы, пахучая листва
Деревья зимнія одѣла въ кружева;
На вленахъ—крылышки, сережки—на осинахъ,
Цвѣты на яблоняхъ, цвѣты на луговинахъ,
Цвѣтные зонтики въ аллеяхъ золотыхъ,
Одежды свѣтлыя на торсахъ молодыхъ,
И слабый звонъ пчелы межъ крестиковъ сирени,
И трель пѣвца любви, пѣвца вечерней тѣни—
Плодотвореніе, истома, поцѣлуй—
Очнись, печальный другъ, очнись и не тоскуй!
Но ты не слушаешь... лицо твое уныло,
Какъ будто все, что есть, тебѣ уже не мило,
Какъ будто взоръ очей, для счастья неживой,
Отъ чуждыхъ радостей желалъ бы на покой.
Ты видѣлъ много лѣтъ, ты знаешь эту моду
Весной отогрѣвать прозябшую природу,

Тревожить мирный сонъ ея глубокихъ силъ,
Вздымать могучій соевъ изъ потаенныхъ жилъ
Затѣмъ, дабы, на мигъ убравъ ее показнѣй,—
Разчесться за уборъ цѣной осеннихъ казней...
Ты знаешь и молчишь, и нѣтъ въ очахъ любви.
Ты шепчешь горестно: „гдѣ спутники мои?
Иные отцвѣли, иные опочили:
Мы вмѣстѣ знали жизнь и вмѣстѣ мы любили“.

П и г м е й.

Слѣдя кругомъ всеневныя кончины,
Страшусь терять бѣгущій мимо часъ:
Отжившій міръ въ безмолвіи цогасъ,
А будущій не вызванъ изъ пучины —
Межъ двухъ ночей мы царствуемъ одни,
Мы, въ полосѣ движенія и свѣта,
Всесильные, пока насъ грѣютъ дни,
Пока для насъ не грянулъ часъ запрета...
И я страшусь за нашъ отвѣтный постъ,
Гдѣ генію возможенъ смѣлый ростъ,
Гдѣ только разъ мы можемъ быть полезны —
И жутко мнѣ надъ краемъ бездны!

Но демонъ есть: онъ весь — лукавый смѣхъ;
Онъ говоритъ, спокойный за успѣхъ:
— „Какъ даръ судьбы, великое — случайно
И генія вѣнчаютъ не за трудъ,

Неправеденъ потомства громкій судъ
 И ты, пигмей, сойдешь со сцены тайно.
 Порывъ души заносчивый умѣрь,
 Войди въ тотъ рай, куда открыта дверь:]
 Подъ этимъ солнцемъ видимымъ и яснымъ,
 Въ живомъ теплѣ, которымъ дышешь ты,
 Владѣй любовью свѣжей красоты—
 Цвѣтущимъ тѣломъ, гибкимъ и атласнымъ...
 Обвѣхавъ міръ, насыть кристалль очей
 Эффектами закатовъ и восходовъ,
 Величемъ горъ и вольностью морей,
 И пестрой вереницею народовъ...
 Порой забавясь вымысломъ чужимъ
 За книгою, на сценѣ, въ галлерей,
 Не предаваясь пагубной затѣѣ
 Свой умъ и чувство жертвовать другимъ...
 Къ земнымъ дарамъ питай въ себѣ охоту:
 Люби вино, и шелкъ, и позолоту,
 Здоровый сонъ, живую новость дня,
 И шумъ толпы, и поздній свѣтъ огня...
 Свой вѣкъ продливъ разумнымъ воздержаньемъ,
 Ты отпадеши, какъ полноувѣсный плодъ,
 Не сморщенный до срока увяданьемъ,
 Не сорванный разгуломъ непогодъ“.

Но, слушая тѣ здравые совѣты,
 Задумчиво внимаетъ имъ пигмей:

Претать ему доступные предметы,
Манить его туманный міръ идей.
Тревожимый упрекомъ потаеннымъ,
Въ невыгодной заботѣ о другихъ —
Идетъ онъ мимо прелестей земныхъ
Съ лицомъ худымъ и гнѣвомъ убѣжденнымъ!
И созданный въ подобіе звѣрямъ,
Въ оковахъ плоти спутанный, какъ сѣтью,
Онъ, не стремясь къ благому долготѣтю,
Идетъ на смерть, служа своимъ мечтамъ...
И если міръ цвѣтущій и прелестный
На полный мракъ имъ гордо обмѣненъ,
Зато во всей могучей поднебесной
Нѣтъ ничего прекраснѣе, чѣмъ онъ!
Нѣтъ ничего священнѣе для вора,
Какъ бѣлые, сухіе черепа
Работниковъ, сошедшихъ безъ укора —
Молись ихъ памяти толпа!

У К О Р Ъ.

Часы бѣгутъ съ поспѣшностью обычной
Для жизни праздничной и жизни горемычной,
И каждаго безслѣдный ихъ полетъ
Въ иные дни къ раскаянью зоветъ...

Но безъ борьбы, со вздохомъ незамѣтнымъ,
Мы шлемъ „прости“ мечтамъ своимъ завѣтнымъ;
Теряя жизнь, предъ будущимъ пустымъ
Мы со стыдомъ безпомощно стоимъ.

А какъ подчасъ настойчивы уворы!
Вы помните-ль: на улицѣ глухой,
Подъ ровный шагъ походки дѣловой,
Слѣдили васъ невидимые взоры...

Въ сырую ночь, при блескѣ фонаря,
Въ которомъ газъ отъ вѣтра волновался,

Не злой-ли вихрь въ душѣ у васъ промчался
И лучшихъ дней не вспыхнула-ль заря?

Иль громоздятся стѣной подѣ небесами,
Ряды домовъ не жали вашу грудь?
Ихъ мрачный видъ — съ докучными мечтами
Не звалъ-ли васъ разчесться какъ-нибудь?..

Но все-жъ безъ дѣлъ, со вздохомъ незамѣтнымъ,
Мы шлемъ „прости“ мечтамъ своимъ завѣтнымъ,
Мы шлемъ „прости“ встревоженнымъ мечтамъ,—
А злой уворъ все ходить по пятамъ...

Т Я Г О С Т Ъ .

Грустно! Поникли усталыя руки,
Взоръ опечаленный влонится долу:
Все дорогое, безъ гнѣва и муки,
Хочется въ жертву отдать произволу!

Грустно... Не трогайте сердца больного,
Мимо идите съ участіемъ, други:
Бросить могу я вамъ горькое слово
Жествою платой за ваши услуги.

Дайте мнѣ, люди, побыть нелюдимымъ,
Дайте уняться невѣдомой боли:
Камнемъ тоска налегла некрушимымъ...
Эхъ, умереть, разрыдаться-бы — что-ли!

ВЪ ТЕМНЫЕ ДНИ.

Пронимаетъ мертвящій ознобъ
Нашей осени рѣзкой и темной...
Чаще виденъ газетовый гробъ
На сукнѣ колесницы наемной...
У богатаго морщится лобъ
И тревожно вздыхаетъ бездомный...

Р а с к о п к и.

Мы къ снамъ заоблачнымъ утратили порывы
И двери вѣчности предъ нами заперты:
Земля, одна земля!.. и по краямъ — обрывы,
И нѣтъ ни выхода, ни цѣли для мечты...
Почуявъ страшныя, отвѣсныя стремнины
Вокругъ земной коры, гдѣ тлѣетъ нашъ очагъ,
Сказали мы себѣ: „мы дѣти этой глины
И отъ плотскихъ заботъ отнынѣ — ни на шагъ!
Довольно вѣровалъ и мучился нашъ предокъ,
На небо возводя благочестивый взоръ:
Разсѣять мы хотимъ опасный этотъ вздоръ.
Путемъ анализа и тщательныхъ развѣдокъ“.

Съ незыблемыхъ святынь покровы сняты прочь:
Открыты въ чудесахъ секретныя пружины;
Все взрыто, свергнуто; вездѣ зияетъ ночь,
Гдѣ прежде таяли волшебныя картины...

*

И рѣзче все, черствѣй звучитъ недобрый смѣхъ
Утѣшенной попытки разрушенья:
Намъ чуть мерещатся, сквозь длинный рядъ помѣхъ,
Когда-то милая для сердца заблужденья...
На глыбы черныя роняетъ только свѣтъ
Фонарь, колеблемый рабочимъ утомленнымъ,
Но не скорбитъ задумчивый Гамлетъ
Надъ черепомъ, раскопкой обнаженнымъ:
Подъ костью звонкою, во впадинѣ пустой,
Гуляетъ вѣтеръ шумный и ненастный,
А рядомъ труженнѣ сурово-безучастный
Во мразь спускается опасною тропой...

DOLOROSA.

Въ саду монастыря, цвѣтущую какъ розу —
Я видѣлъ въ траурѣ Мадонну Долорозу.
На бѣлый памятникъ она роняла взоръ;
Густые волосы разъединялъ проборъ,
Теряясь подъ косой, завѣшенной вуалью.
Она дышала вся молитвой и печалью!
На матовой рукѣ, опущенной съ вѣнкомъ,
Кольцо вѣнчальное свѣтилось огонькомъ,
И флеромъ сборчатыхъ окутанная шея
Сверкала юностью, сгибаясь и бѣля.

Поученіе.

Оглянись: эти ровные дни,
Это время, безцвѣтное съ виду —
Вѣдь тебя погребаютъ они,
Надъ тобою поютъ панихиду!

Живописный и томный закатъ
Или на-ночь гасимыя свѣчи —
Неужели тебѣ не твердятъ
Ежедневно прощальныя рѣчи?

Отвѣчай имъ печалью въ лицѣ
Или тихимъ, подавленнымъ вздохомъ:
Не иди мимо думъ о концѣ
Беззаботно-слѣпымъ скоророхомъ.

Но въ уныньи себѣ не готовь
Ни веревки, ни яду, ни бритвы:
Расточай благородную кровь
Подъ ударами жизненной битвы.

Нельзя въ душѣ уврачевать
Ея старинныя печали,
Когда на сердцѣ ихъ печать
Годами слезы выжигали.
Пусть новый смѣхъ звучить въ устахъ,
И счастье новое въ чертахъ
Свой алый свѣточъ зарумянитъ —
Для давней скорби мигъ настанетъ:
Она мелькнетъ еще въ умѣ,
Пришлетъ свой ропотъ присмирѣвшій,
Какъ вѣтеръ въ листьяхъ прошумѣвшій,
Какъ звукъ, заплакавшій во тьмѣ...

С Т А Н С Ы.

Зачѣмъ душа моя въ темницѣ?
Зачѣмъ никто въ ней не прочтетъ,
Какъ на развернутой страницѣ,
Что въ ней томится и живетъ?

Пусть духъ сокрытъ отъ взоровъ свѣта,
Но кто-нибудь, но кто-нибудь
Для состраданья и совѣта
Въ ту бездну долженъ заглянуть!

Предъ нимъ не буду я преступень
И онъ проститъ дѣла мои:
Не страшень тотъ, кому доступень
Глубокій ходъ во тьму души.

Когда плыветъ ночная дума,
Когда мечтамъ ввѣряюсь весь

Во тьмѣ томительной безъ шума —
Я все-бы чувствовалъ: „онъ здѣсь!“

Онъ зналъ-бы трудъ недовершонный
И память прошлаго вскрывалъ
И царство мысли потаенной
Очами бога озиралъ.

И онъ-бы спасъ тотъ міръ чудесный,
Когда въ послѣдній часъ земной
Онъ сталъ-бы стынуть, безъизвѣстный,
Подъ сводомъ кости черепной...

ПѢВИЦА.

ПАМЯТИ КАДМИНОЙ.

Смугла, какъ Руеъ, съ огнистымъ взоромъ
И чистымъ профилемъ камей
Она жила однимъ задоромъ —
Однѣми бурями страстей.
Таился въ ней тотъ голосъ дивный,
Который за-сердце беретъ
Своею гибкостью отзывной
И дрожью задушевныхъ нотъ.
Но въ нашемъ небѣ мутно-сѣромъ
Зажглась на мигъ ея звѣзда:
Простилась дѣва навсегда
Съ холоднымъ сѣвернымъ партеромъ.
Она укрылась въ той глуши,
Въ той сторонѣ гостепріимной,
Гдѣ чаще грѣетъ пылъ взаимный
Томленье любящей души...

И тамъ рассыпались тѣ звуки—
 Богатство груди молодой!
 Тамъ, передъ южною толпой,
 Пѣвица выплакала муки
 Души горячей и больной!
 И какъ блестящая природа
 Сама вазнить свои плоды—
 Она сама, не ждавъ захода,
 Затмила лучъ своей звѣзды!..
 Умолкла муза молодая,
 Побивувъ кругъ своихъ сестеръ,
 Разстроивъ ихъ негромкій хоръ
 Среди пустынь родного края!
 Въ оградѣ дальней, между плитъ,
 Ужъ холмъ невѣдомый забыть,
 Гдѣ скрыта жертва злой отравы—
 И нѣтъ на немъ вѣнка отъ славы!

Зато черты ея лица,
 Храня значенье образца
 Для живописнаго этюда,
 Еще намъ памятны покуда:
 Въ высокой кичеѣ, въ жемчугахъ,
 Въ нарядѣ праздничномъ царицы
 И съ гордой смѣлостью въ очахъ
 Мы знаемъ всѣ портретъ пѣвицы.
 Но имя сглажено подъ нимъ,
 Онъ сталъ безвѣстною картиной:

*

Онъ вслѣдъ за пѣснью лебединой
Артистѣ сдѣлался чужимъ...

И мимо насъ прошла пѣвица.
Промчался образъ красоты,
Какъ огненосная зарница
Въ застоѣ душной темноты.

У гроба Достоевскаго.

(въ его квартиру 30-го января 1881 г.)

Раскрытый гробъ, на двухъ ступеняхъ,
Уже хранить священный прахъ
И преклоненнымъ на колѣняхъ
Чело виднѣется въ цвѣтахъ...
Вокругъ столпившіеся тѣсно,
Придя, откуда — неизвѣстно,
Питомцы думъ его стоятъ:
Учитель спитъ... они молчатъ.
Ребенокъ-дочь у изголовья
Съ невинной вѣрой на лицѣ
Пришельцамъ всякаго сословья
Даритъ на память объ отцѣ
Цвѣты съ вѣнковъ его нагробныхъ...
Глубокій миръ въ устахъ незлобныхъ!

*

Но въ комъ найдеть слова любви
Убогій, падшій, маловѣрный?
Кто имъ, какъ жрецъ неліцемѣрный,
Подыметъ взоры отъ земли?..

Туманный день, больной и хмурой,
Какъ скорбный складъ его ума,
Весь заслоненъ его фигурой...
И жизнь печальна, какъ тюрьма,
Куда вносилъ онъ утѣшенье...
Прими нѣмое поклоненье
За жизнь страданья и заслугъ,
Разбитыхъ душъ любимый другъ!..

Кончина Тургенева.

(22-го августа 1883 г.)

Тургеневъ! Есть-ли имена
Намъ симпатичнѣе по 'звуку?
И съ нимъ судили времена
Россіи вѣчную разлуку!..
Ударилъ громъ... и много лѣтъ
Мы темной тучи не разгонимъ:
Погасъ нашъ тихій, вроткій свѣтъ —
Мы часть души своей хоронимъ!..
Свободы вождь передовой,
„Изъ стаи славныхъ отсталой“,
Родныхъ кумировъ современникъ —
Онъ былъ для насъ — ихъ слѣдъ живой,
Ихъ вровный, подлинный преемникъ!

* *
*

Мы съ дѣтства слушали рассказъ
Его простой, прелестной музы,

И въ нашемъ сердцѣ крѣпли узы
 Съ душою свѣтлой, какъ алмазъ...
 Когда мы позже были юны,
 На праздникъ дѣвственной любви
 Его плѣнительныя струны
 Намъ пѣсни рая принесли!..
 Когда бороться за науку
 Рванулись свѣжіе умы —
 Онъ новобранцамъ подалъ руку
 И разсѣвалъ туманы тьмы...
 Онъ далъ впервые проводницу
 Бойцамъ проснувшейся страны:
 На смѣлый трудъ изъ тишины
 Онъ вызвалъ русскую дѣвицу.
 И былъ онъ другъ ея мечты,
 Души — глубокой познаватель,
 Ея стыдливой красоты
 Неподражаемый ваятель!
 Родное поле, степь и лѣсъ,
 Въ цвѣтахъ весны, въ одеждѣ снѣжной,
 Подъ всѣми красками небесъ —
 Онъ обезсмертилъ вѣстью нѣжной...
 И пѣлъ намъ голосъ дорогой...
 Вопросы дня, вопросы міра —
 Всему, подъ дивною рукой,
 Отвѣтный звукъ давала лира!

* * *

Прощайте: чудное перо,
Нась одарившее съ чужбины,
И ненаглядныя сѣдины—
Маститой славы серебро!
Ты къ намъ желалъ на сѣверъ дикій
Укрыться съ юга на покой:
Сойди-же въ грудь земли родной,
Нашъ вѣчно милый и великій!
Здѣсь тишина... здѣсь лучшій другъ —
Здѣсь все товарищи вокругъ...
Сюда придуть, придуть безъ счета
Слагать вѣнки на этотъ сводъ,
И чуть отъ церкви, съ поворота,
Къ тебѣ завидать узкій ходъ —
Какое нѣжное волненье
Невольно каждый ощутить!..
И сколько разъ благословенье
Твою могилу осѣнить!

Памятникъ Пушкина.

(день открытія).

Мы тѣнь великаго изъ вѣчности призвали
Въ безсильи духа намъ помочь,
И образъ памятный, какъ бога, изваяли,
И звали свѣтъ, и гнали ночь.

Съ вершины каменной, наставникъ величавый,
Онъ очи мѣдныя раскрылъ—
И сталъ надъ родиной, и въ сѣни златоглавой
На бдѣнье вѣчное застылъ...

У ногъ его цвѣты, привѣтный гулъ народа,
Во всѣхъ устахъ сближенія слова —
Свѣти-жь своей землѣ, какъ вѣра и свобода,
Курчавая, родная голова!

Учи прекрасному; богатымъ вдохновеньемъ
Родныя музы окрылай,
И блескомъ новыхъ славъ — безсмертнымъ насе-
леньемъ
Россію всюду населяй!

II.

*

НА УТРЪ ДНЕЙ.

Посвящается А. Ѳ. Кони.

На утрѣ дней.

...И послѣ нихъ на небѣ нѣтъ слѣда,
Какъ отъ любви ребенка безнадежной,
Какъ отъ мечты, которой никогда
Онъ не ввѣрялъ заботамъ дружбы нѣжной.
Лермонтовъ.

I.

Владиміръ выросъ въ тишинѣ
Степей задумчивыхъ и вольныхъ,
Въ пріютѣ, вѣрномъ старинѣ,
Подъ кровомъ тетокъ богомольныхъ.
Въ ихъ уголь брошенный судьбой,
Съ пяти годовъ осиротѣлый,
Онъ былъ, какъ лучъ въ тѣни лѣсной,
Лучемъ въ ихъ жизни престарѣлой.
Подъ ихъ вечерній разговоръ
Одинъ безъ сверстниковъ игривыхъ
Любилъ онъ въ даль направить взоръ
Въ обворожительный просторъ

Полей безбрежно-молчаливыхъ.
 Онъ зналъ: за крайнею чертой,
 Гдѣ гасли степи золотыя,
 Цвѣтутъ, шумять края иные!..
 Но на межѣ, какъ часовой,
 Къ чужбинѣ степь свою ревнуя,
 Вѣтвистый дубъ сторожевой
 Стоялъ, Богъ вѣсть о чемъ горюя...
 И онъ дѣлилъ его печаль!
 И долго послѣ было жаль
 Ему деревьевъ одинокихъ,
 Порой встрѣчаемыхъ въ пути:
 Близъ нихъ прохлады не найти!..
 Ихъ тѣнь скудна... Лучей жестокихъ
 На долгій срокъ ихъ слабый щитъ
 Отъ пришлеца не отвратить.

II.

Бывало, въ полѣ необъятномъ
 Горить вечерняя заря,
 Шептаньемъ чуднымъ и невнятнымъ
 Съ ребенкомъ дикимъ говоря...
 Въ молчаньи чуткомъ и лѣнливомъ
 Пѣвучій звонъ гудить по нивамъ,
 Несясь до ближнихъ деревень...
 Жасминъ, шиповникъ и сирень

Цвѣтутъ у паперти церковной...
 Тропинкой узенькой и ровной
 Священникъ изъ дому бредеть
 И странно тѣнь его растеть
 Подъ солнцемъ, къ западу склоненнымъ.
 Порядкомъ, древле заведеннымъ,
 Минуеть служба. Въ лѣтней мглѣ
 Ужъ слышны пѣсни на селѣ.
 Луну встрѣчаетъ звонкимъ лаемъ
 Цѣпная Сѣрва. У воротъ
 Сигналь дозора сторожъ бьетъ,
 И вотъ, на сонъ благословляемъ,
 Въ постельку бѣлую, какъ снѣгъ,
 Спѣшитъ ребенокъ на ночлегъ.

III.

Двѣ старыхъ тетки (обѣ — вдовы),
 Пройдя всѣ горести земли,
 Въ душѣ невинной берегли
 Религіозныя основы.
 И мальчикъ вѣрилъ... По утрамъ
 Передъ окномъ, гдѣ рѣчка вьется,
 Щекой на ручку онъ упрется
 И внемлетъ чинно, по главамъ,
 Разказамаъ Ветхаго Завѣта.
 Въ немъ грѣютъ вѣру волны свѣта,

Который съ яреюй высоты
 Струить на книжные листы.
 Онъ ясно видитъ дымъ хаоса,
 Дѣленье суши и воды,
 Въ раю прекрасные плоды,
 Прикосновенье къ нимъ безъ спроса
 Ослушной Евы, и чету
 Печальныхъ праотцевъ, гонимыхъ
 Изъ рая въ мѣръ, стыдомъ палимыхъ,
 Подъ хмѣлемъ скрывшихъ наготу...
 И отъ безвѣстнаго начала
 Въ воображеньи воскресала
 Судьба невиданныхъ временъ:
 Отнынѣ все увидитъ онъ!
 Онъ самъ отъ божья дуновенья,
 А духу нѣтъ конца и тлѣнья...

IV.

Однажды въ раннемъ полуснѣ
 Онъ видѣлъ Бога... Въ вышинѣ,
 Надъ нимъ простертый, необъятный
 И весь изъ нѣжныхъ облаковъ.
 Ему явился Саваоѣ...
 Вверху звучалъ призывъ невнятный
 Подъ самымъ куполомъ небесъ
 И край одежды безконечной

Надъ нимъ повисъ каймою млечной...
 Онъ — руки вверхъ, но край исчезъ,
 Зввилась туманная порфира,
 Раскрылась грудь владыки міра...
 И въ ней былъ свѣтъ — и въ эту грудь
 Ему открылся тайный путь...

V.

Съ тѣхъ поръ жилищемъ безгрѣховныхъ
 Ему казался синій сводъ,
 И цѣпью праздниговъ церковныхъ
 Предъ нимъ развертывался годъ.
 Зимой, въ рождественскій сочельникъ,
 Дитя постится, какъ отшельникъ,
 И ждетъ вечернюю звѣзду...
 Темнѣетъ снѣжная равнина;
 Окно узорное во льду
 Уже дробить лучи вамина;
 Готова поздняя кутья,
 Къ обѣду сходится семья;
 Въ воспоминае о Младенцѣ
 На снѣгъ, возлѣ образовъ,
 Пшеничный хлѣбъ на полотенцѣ
 Лежитъ по правиламъ отцовъ,
 И ѣлка — свѣтлый символъ чуда —
 Всегда невѣдомо откуда

Придетъ, подарками блестя,
Плѣнять смущенное дитя.—

VI.

Великій постъ. Въ тиши дрѣмотной
Сквозь мягкій вѣтеръ иногда
Дохнѣтъ весна волной залетной
И съ бѣлыхъ крышъ польетъ вода.
Чернѣетъ путь. Навѣсъ балкона
Лучи горячіе пекуть.
Подъ звуки медленнаго звона
Гуськомъ говѣльщици идутъ.
А въ храмѣ темень и прохлада...
Закрыты царскія врата;
Предъ желтымъ обликомъ Христа
Мерцаетъ синяя лампада:
Спаситель молить о грѣхахъ...
Терновникъ вьется въ волосахъ,
Съ чела струятся капли крови
На скорбно-сдвинутыя брови...
И трауръ въ церехви... Пономарь
Читаетъ долго и уныло;
На мигъ отвернется алтарь, —
Бряцаетъ дымное кадило,
Толпа склоняется въ отвѣтъ —
И гаснетъ вновь алтарный свѣтъ

И снова тянутся каноны...
 Дитя бодрится, ножи мнеть,
 Усталость грѣшную влянетъ
 И погружается въ иконы
 Воспламененною мечтой:
 Картина вечери святой
 Въ немъ будить рой воспоминаній
 О дняхъ божественныхъ страданій.
 Какъ на яву, Ерусалимъ
 Волшебнo стелется предъ нимъ.
 (Въ его названіи гармоничномъ
 Онъ видитъ прелесть). Тамъ Христось,
 Прекрасенъ взорамъ необычнымъ,
 Въ кудряхъ распущенныхъ волосъ,
 Какъ на холстѣ — въ одеждѣ синей,
 Цѣлилъ народъ своей святыней...
 Рукой нетлѣнною своей,
 Потупивъ мягкія рѣсницы,
 Ласкалъ Онъ маленькихъ дѣтей.
 О, еслибъ край Его десницы
 Въ толпѣ Володю осѣнилъ!
 О, еслибъ онъ въ то время жилъ —
 Какое-бъ счастье онъ извѣдалъ!
 И какъ Христа Іуда предалъ?..
 И какъ Пилать не защитилъ?..
 И съ чувствомъ жалости глубокой,
 Съ приливомъ пламенной любви,

Молитвы чистыя свои
Шепталъ ребенокъ одинокій...

VII.

Въ селѣ Запольѣ барскій домъ
 Былъ двухъэтажный и обширный,
 Пустынный рядъ его хоромъ
 Склонялъ къ мечтательности мирной:
 Диваны штофныя въ чехлахъ,
 Обои въ бархатныхъ разводахъ,
 Полоски бронзы на воммодахъ,
 Цвѣтной узоръ на потологахъ,
 Прохладный залъ съ нѣмымъ роадемъ,
 Темно-зеленый кабинетъ,
 И въ немъ съ тюрбаномъ и вуалемъ
 Забытый бабушки портретъ —
 Все пахло пылью давнихъ лѣтъ.
 Просторный домъ стоялъ въ уборѣ,
 Какъ при владѣтеляхъ былыхъ,
 И дальнихъ комнатъ нежилыхъ
 Въ немъ не держали на затворѣ.
 Старушки сядутъ въ угольѣ
 Одна — съ чулкомъ, другая — съ книгой
 И, видя мальчижа въ тоскѣ,
 Его ушлютъ: „поди, попрыгай!“
 И онъ пускается блуждать:

Начнетъ ѣзду изображать,
 А тамъ устроить остановку—
 Ночлеги, за креслами, въ углу;
 Иль наблюдаетъ на полу,
 Надъ щелью, божію коровку:
 Подъ щелью вѣрно есть провалъ,
 Ведущій въ нѣдра подземелья,
 И тамъ, быть можетъ (кто видалъ?),
 Глухая жизнь полна веселья...
 Букашка тянется туда...
 А вотъ лицо—въ стѣнномъ узорѣ!
 Змѣятся брови, борода,
 И злоба страшная во взорѣ:
 Не то обманъ, не то портретъ—
 Мелькнуло вдругъ и снова—нѣтъ!
 Вотъ легкій звукъ: цвѣты въ гостиной
 Шумятъ опавшею листвою;
 Въ столовой маятникъ старинный
 Болтаетъ громко самъ съ собой...
 То хлопнетъ дверь и сотрясаясь
 Въ буфетѣ чашки загремятъ...
 Пройдетъ слуга, остерегаясь,
 Какъ будто въ домѣ всюду спятъ...
 А чтѣ съ „мужскою половиною“?
 Тамъ спятъ на солнцѣ пауки,
 Бильярдъ затащить парусиной
 И крѣпко пахнуть чубуки.

И только въ дѣвичей, у палець,
 Работницъ слышенъ разговоръ...
 Весь этотъ дремлющій просторъ
 Обходить маленькій скиталець.

VIII.

„Ты — мальчикъ бѣдный“, говоритъ
 Порой ребенку тетя Вѣра:
 „Бѣги грѣховнаго примѣра,
 Который бѣдному грозитъ!
 Ты знаешь, мы, съ сестрою Анной,
 Тебя до времени хранимъ,
 Но будешь, птенчикъ нашъ желанный,
 Ты намъ далекимъ и чужимъ...
 Не твой — не нашъ — дворець высокій,
 Гдѣ мы кончаемъ наши дни:
 Заботы наши вспомяни,
 Какъ выйдешь самъ на путь широкій!
 И не гнушайся, но люби
 Того, кто насъ тебѣ замѣнитъ:
 Небесный судъ тебя оцѣнитъ
 За чувства добрыя твои“.
 Въ отвѣтъ горячая слеза
 Изъ глазъ испуганныхъ полетится
 И мальчикъ, гибкій какъ лоза,
 Вокругъ старушки обовьется.

Прижавшись къ теплому плечу,
 Дитя молчить, не шевелится,
 Устава взоры на свѣчу:
 Она въ слезахъ его звѣздится...

IX.

Но и нѣмой двѣ трети года,
 Порой, очнувшись наконецъ,
 Шумѣль Запольевскій дворецъ
 Веселымъ разговоромъ народа.
 Глава наслѣднаго добра,
 Старушекъ младшая сестра,
 Вдова гвардейца отставного,
 Варвара Дмитревна Челкова,
 По волѣ мужниной, была
 По жизнь — владѣлицей помѣстья;
 Но больше въ городѣ жила,
 Давая краткія извѣстья,
 Что на такое-то число
 Съ семьей пожалуетъ въ село.
 Въ условный день, кареты цугомъ
 Чернѣли точками въ дали.
 Въ нихъ подъѣзжали другъ за другомъ
 Въ степномъ загарѣ и въ пыли:
 Сама хозяйка съ сыновьями —
 Ужъ полувзрослыми людьми —

Ея двѣ дочери съ мужьями,
 Ихъ двѣ кормилицы съ дѣтьми
 И многочисленная свита
 Полу-рабовъ, полу-друзей,—
 Во дни исчезнувшаго быта
 Извѣстныхъ каждому людей.
 Предметы новые для взора —
 Бездѣлки дамскаго убора
 И туалетнаго стола,
 Флаконы, гребни, зеркала,
 Игрушки, туфли и халаты —
 Вносились, влялись на мѣста,
 И ихъ живая пестрота
 Будила сонныя палаты.

X.

Туманъ лежалъ еще кругомъ
 Надъ полемъ дѣтскихъ наблюдений.
 Пора слѣпыхъ недоумѣній!
 Кому онъ въ дѣтствѣ незнакомъ —
 Покровъ волшебный и воздушный
 Предъ взоромъ мысли простодушной,
 Витавшій облакомъ сквознымъ
 Надъ всѣмъ, что видимо, земнымъ?
 Не смѣлъ нашъ умъ срывать личины
 Съ плавучихъ грѣзъ... Да и въ чему!

Такъ быстро двигались картины,
Что взоръ скользилъ по ихъ письму
И, проводивъ ихъ въ отдаленье,
Чуть сохранялъ изображенье.
Питомецъ нашъ почти забылъ
Тѣ дни, блаженные незнаньемъ...
Онъ помнилъ свадьбу: предъ вѣнчаньемъ
Червонецъ въ туфлю онъ вложилъ
Своей хорошенькой кузинѣ —
Завѣтъ на счастье милой Нинѣ.
Предъ тѣмъ задолго съ женихомъ,
Гусаромъ тонкимъ и курчавымъ,
Они шушувались вдвоемъ,
И съ состраданіемъ лукавымъ
Надъ ней трунили какъ-то разъ,
Какъ онъ уѣхалъ на Кавказъ...
Володя зналъ: нерѣдко лѣтомъ,
Со связкой писемъ и портретомъ,
Она, раздвинувъ тростники,
Уединялась близъ рѣки,
Въ сквозной тѣни, гдѣ шепчетъ липа
И гдѣ трепещетъ стрекоза,
И на стекло дагерротипа
Роняла томные глаза...
Они женились... Пиръ на славу
Три дня Заполье оглашалъ,
И многолюдный, шумный залъ
Невѣсту плавную, какъ паву,

*

Хвалилъ и шепотомъ и вслухъ.
Гремѣлъ оркестръ, блистали свѣчи,
Кружились пары легче мухъ,
Мелькали берты, блонды, плечи...
Но все въ туманѣ... Говорять,
Сжигали бочки смоляныя,
Мужчинъ вачали на подхватъ,
Расшиблись до крови иные,
Ихъ обмывали... Но того —
Дитя не помнить. Изъ всего
Остались цѣлы два отрывка:
Кадриль въ столовой, у дверей,
Когда у Груни Каталей
Споролась съ блестями обшивка
Съ косыхъ воляновъ... Да еще:
Пустая комната въ проходѣ...
Горѣли свѣчи на комодѣ...
Стояла Нина — и плечо
Ей цѣловалъ женихъ влюбленный
И руки — выше локотка...
Володя выбѣжалъ смущенный:
„Прелестна женская рука
И любо имъ уединенье!“
Такъ думалъ онъ изъ угла...
Тѣ думы сгладило забвенье.

XI.

Но время шло. Въ нѣмой тишинѣ,
Въ степномъ уединеннѣ тетоуѣ,
Не зналъ Володя ни души:
Гостей не слалъ имъ околотоуѣ,
Свои не ѣхали домой,
Въ поляхъ стоялъ горячій зной.
Семья сидѣла на террасѣ,
Какъ вдругъ — сѣдѣ серебра,
Въ ограду барскаго двора,
Старикъ вѣатился въ тарантасѣ.
Хозяйки тронулись до слезъ:
Изъ дальнихъ мѣстъ знакомый барджъ
Съ собою мальчика привезъ.
„Вотъ другъ тебѣ — Алеша Гаринъ!
Должно, ровесники какъ разъ...
Какой онъ смугленькій у васъ!“
Но внуку сѣдаго господина
Сперва дичился. Онъ имѣлъ
Глазенки черные грузина
И недовѣрчиво глядѣлъ.
Друзья сошлись однако вскорѣ,
Когда остались на просторѣ.
Блуждая вольною четой,
Одни въ затишнѣ одичаломъ,
Они успѣли межъ собой

Поговорить о небываломъ,
 И оба вѣрили себѣ,
 Когда мгновенно, на ходьбѣ,
 Игрой фантазиі случайной
 Слагали мнѣ необычайный.
 Живыми дѣлались тогда
 И старый дубъ, и въ небѣ тучи,
 И на холмѣ песокъ сыпучій,
 И въ лужѣ зыбкая вода...
 Такъ легкимъ сномъ прошла недѣля.
 Ихъ мысли дружныя сплелись,
 Какъ на вѣтвяхъ побѣги хмѣля—
 И дѣти снова разошлись.
 Но разставались безъ печали:
 Когда былъ поданъ тарантасъ,
 Кончая прерванный разговоръ,
 Они о птицахъ толковали...
 Прошло три мѣсяца— и вдругъ
 Узналъ Володя: первый другъ
 И дѣтскихъ тайнъ его хранитель—
 Алеша сталъ „небесный житель“:
 Онъ умеръ гдѣ-то вдалекѣ...
 Не плакалъ другъ осиротѣлый;
 Но въ неизвѣданной тоскѣ
 Блуждалъ нѣмой, похолодѣлый,
 И все искалъ на небесахъ
 Ребенка смуглаго въ кудряхъ...

XII.

Спадало дѣтство, разсѣваясь.
Виднѣй казался божій свѣтъ,
Володѣ было девять лѣтъ.
Онѣ часто грезилъ пробуждаясь
И полусонный, на зарѣ,
Тепло укрытый съ головою,
Подъ одѣяломъ, какъ въ норѣ,
Онѣ наслаждался полутьмою.
Въ мерцаньи тающихъ тѣней,
Однажды, въ часъ такихъ мечтаній,
Ему изъ мглы воспоминаній,
Явилась Груня Каталей.
Вдругъ сердце въ немъ слегка упало...
Ни разу прежде, сквозь мечты
Видѣнье Груни не всплывало,
Не снились нѣжныя черты...
Онѣ видѣлъ сгибъ красивой шеи,
Лучистыхъ глазъ ея привѣтъ,
Нагую руку и браслетъ,
И въ блестяхъ платьѣ, какъ у феи.
Казалось: взорами она
Володю ласково корила
За то, что въ мірѣ лишь одна
Его всѣмъ сердцемъ полюбила,
А онѣ, по дѣтской простотѣ,

Блуждалъ такъ долго въ темнотѣ!
И въ незамѣтномъ усыпленнѣ
Володя внутренно постигъ
На мимолетное мгновенье
Ея чарующій языкъ.
Упала съ глазъ его повязка
И замеръ на губахъ отвѣтъ,
Еще минута... прянулъ свѣтъ—
И ушла ночная сказка!
Надъ нимъ видѣлся потолокъ
Съ давно замѣченнымъ изломомъ,
И о волненьи незнакомомъ
Лишь говорилъ румянецъ щекъ.
Исчезла тѣнь его царицы!
Ужъ за окномъ звенѣли птицы
И за стѣною самоваръ
Струилъ призывный свой угаръ.
Володя, нѣжась на постели,
По локоть ручки обнажилъ,
На ихъ покровъ, на змѣйки жилъ
Смотрѣлъ задумчиво, безъ цѣли,
Слегка погладилъ ихъ себѣ,
Довольный жизнью въ нихъ разлитой—
И вскорѣ всталъ, свѣжо умытый,
Готовый къ утренней мольбѣ.

XIII.

Ужъ могъ Володя, внявъ разсуду,
 Предвидѣть горестный конецъ:
 Для трехъ сочувственныхъ сердець
 Разлукой пахло не на шутку.
 Справляли мальчику бѣлье,
 Кроили курточки съ запасомъ
 И шубку въ дальнее житье
 Подбили стеганнымъ атласомъ.
 Все молчаливѣй и нѣжнѣй
 Дитя къ наставницамъ ласкалось;
 И вдругъ въ забытый край степей
 Письмо зловѣщее примчалось.
 „Свершаю памятный завѣтъ
 Роднаго брата. Въ сельской волѣ
 Провелъ Владиміръ много лѣтъ,
 Ему пора учиться въ школѣ.
 Въ исходѣ нынѣшней весны
 По дѣлу ѣдетъ мой пріятель
 (Палаты здѣшней засѣдатель)
 Въ предѣлы вашей стороны:
 Дорога къ вамъ ему знакома —
 Съ собой онъ мальчика возьметъ,
 И пусть племянникъ не реветъ:
 Въ моей семьѣ онъ будетъ дома. —
 Какъ я слыхалъ, извѣженъ онъ,

Воспитанъ вами въ холѣ женской,
 Но здѣсь отъ лѣни деревенской
 Онъ будетъ скоро исцѣленъ.
 И если онъ у васъ толковый,
 А я вполне увѣренъ въ томъ,
 Пускай на встрѣчу жизни новой
 Онъ ѣдетъ храбрымъ молодцомъ;
 Во мнѣ-жъ, откинувши сомнѣнье,
 Пусть видитъ друга — не врага.
 Прошу принять мое почтенье.
 Василий Дыминъ, вашъ слуга“.

XIV.

И день пришелъ неотразимый!..
 Бубенчивъ сильный подъ дугой
 Звенить въ степи необозримой;
 Дорога тянется змѣей;
 Ушли родныя десятины
 Съ цвѣтными лентами хлѣбовъ
 И хлопья встрѣчныхъ облаковъ
 Плывутъ задумчиво съ чужбины...
 Владиміръ ловитъ крайній слѣдъ
 На вѣсъ покинутыхъ владѣній,
 А рядомъ чуждый тревоженій
 Ужъ тихо спитъ его сосѣдъ.
 Играетъ зной по чернозему

Волнистымъ трепетомъ лучей
 И, не сводя съ земли очей,
 Дитя мечтой стремится въ дому —
 Туда, гдѣ имъ въ туманѣ сна
 Пора счастливая прожита,
 Гдѣ теть Анна такъ блѣдна,
 А теть Вѣра такъ убита, —
 Куда онъ рвется всей душой,
 Кляня жестоую разлуку,
 И облегчить не можетъ муку
 Въ глазахъ изсыгнувшей слезой!..
 И вотъ уже, взглянувъ обратно,
 Онъ видитъ чуждыя мѣста.
 О, неужели невозвратно
 Всѣхъ близкихъ скрыла темнота?
 Бѣжать-бы... прыгнуть на дорогу,
 Къ ночнымъ огнямъ поспѣть домой...
 Тамъ встрѣтить радость и тревогу,
 Влетѣть въ повинутымъ стрѣлой,
 И вновь рыдать неудержимо,
 И лаской грудь отогрѣвать,
 И Бога жарко умолять:
 Пускай ударъ несется мимо...
 Но, что-жъ затѣмъ? Спасенья нѣтъ!..
 То дѣтскій сонъ, безумный бредъ!..
 Тогда въ душѣ, съ изнеможеньемъ,
 Онъ ощутилъ холодный гнѣтъ
 И то страданье безъ заботъ,

Что называется смиреньем
Предъ неизбѣжною судьбой—
И онъ понизнулъ головой.

И вамъ пора оставить книгу,
Случайный чтець моихъ страницъ.
Я ихъ писалъ, покорный мигу,
Рисую тѣни милыхъ лицъ.
Имѣлъ я нѣкогда затѣю
Писать большую эпопею,
Но на распутьи въ этотъ разъ
Кончаю прерванный рассказъ
И безыскусственный набросокъ
Благословляю въ добрый путь:
Быть можетъ въ сердцѣ чьемъ нибудь
Онъ встрѣтитъ дружный отголосокъ...

М Р А К Ъ.

М р а к ъ.

Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Пушкинъ.

П О Э Т Ъ.

Изъ долгихъ, долгихъ наблюдений
Я вынесъ горестный урокъ,
Что нѣтъ завидныхъ назначений
И нѣтъ заманчивыхъ дорогъ.
Въ душѣ — пустыня, въ сердце — холодъ,
И нынче скучно, какъ вчера,
И мысли давить мнѣ хандра
Тяжеловѣсная, какъ молотъ!
Ни развлеченье, ни покой,
Ни встрѣчи съ чернью дѣловитой,
Средь шума жизни городской,
Не служатъ больше мнѣ защитой:

Тоска всеильна надо мной!
 Приди, мой геній темнокрылый
 Съ печальнымъ взоромъ умныхъ глазъ;
 Мнѣ по душѣ твой видъ унылый
 И твой таинственный рассказъ.
 Ты могъ всегда полунамекомъ
 Въ прошедшемъ тускломъ и далекомъ
 Нѣмое чувство оживить
 И скорбью сердце уязвить.
 Своимъ уворомъ ядовитымъ
 Оцѣпенѣнье разрѣши:
 Мнѣ тяжело жить полуразбитымъ,
 Мнѣ гадовъ сонъ моей души!

духъ.

Видѣлъ я лицо нѣмое
 И потухшій взоръ:
 О блаженствѣ, о покоѣ
 Пѣлъ угрюмый хоръ.
 Къ небесамъ съ кадильнымъ дымомъ
 Несся вопль сердець,
 Въ отчужденъи нелюдимомъ
 Почивалъ мертвецъ.
 Весь гирляндами украшенъ,
 Но не тотъ, что былъ!—
 Онъ для тѣхъ казался страшень,
 Кто его любилъ...

Грудь безъ теплаго дыханья,
 Безъ лучей глаза:
 Что ему — слова прощанья?
 Что ему — слеза?..

ПОВѢТЬ.

О, помню я!.. Такіе звуки
 Давно не трогали мой слухъ:
 Живымъ порывомъ горькой муки
 Въ тѣ дни вицѣль мой юный духъ!
 Тѣснили грудь мою рыданья,
 Я образъ друга вызывалъ:
 Казалось мнѣ, — безъ очертанья
 Онъ тихо въ воздухѣ виталъ
 И въ душу мнѣ вникалъ глубоко.
 Въ церковной мглѣ, среди лампадъ,
 Полусмущенъ, я чуялъ взглядъ
 Его всевидящаго ока:
 Онъ былъ слезамъ и скорби радъ!
 „Теперь — я думалъ — онъ измѣритъ
 Всю глубину моей любви
 И чувства тайныя мои
 Судомъ взыскательнымъ повѣритъ!..“
 И почему, не знаю самъ,
 Мой взоръ тянулся къ небесамъ...
 Но тамъ — ни звука, ни намека
 Въ отвѣтъ на пламенный порывъ:

Таковъ удѣлъ того, кто живъ...
 Безсиленъ гнѣвъ, слова упрека
 Безумствомъ были-бъ сочтены!

Съ тѣхъ поръ съ тобою мы дружны,
 Мой геній, небу непокорный:
 На всемъ дрожить твой профиль черный
 И свѣтитъ недовольный взоръ.
 На небѣ жизни съ этихъ поръ
 Стукнется-ль мравъ, взойдутъ-ли зди, —
 Ты все поешь: memento mori!
 Но странно — вѣрится едва! —
 Твои ужасныя слова
 Для сердца глохнуть съ каждымъ годомъ...
 И тамъ, гдѣ надъ могильнымъ сводомъ,
 Придя молиться въ горькій день,
 Я сторожилъ родную тѣнь —
 Тамъ въ годы зрѣлости холодной
 Я далъ взрости травѣ негодной!
 И тотъ кладбища свѣжій садъ
 Съ угрюмой надписью у входа,
 Гдѣ снился мнѣ видѣній рядъ —
 Не больше трогаетъ мой взглядъ,
 Чѣмъ вся безмолвная природа!..
 Я понялъ жизни наготу,
 Потерявъ ключъ отъ милыхъ бредней...
 Но, вызвавъ старую мечту,
 Ты далъ блеснуть слезѣ послѣдней:

Благодарю! Ея приливъ
 Напомнилъ мнѣ, что я былъ живъ,
 Что жить намъ дважды не дается:
 Слеза блеститъ,—она не льется!

ДУХЪ.

Тѣни туманныя, звуки неясныя,
 Образы прошлаго вѣчно-прекрасныя,
 Вѣчно сокрытыя мглой отдаленія,—
 Встаньте изъ мрака въ лучахъ обновленія!

Встаньте безъ горечи, свѣтло-нарядныя,
 Въ жизненномъ обливѣ, сердцу понятныя,
 Душу воздвигните силой цѣлебною,—
 Двигайтесь, образы, цѣпью волшебною!

Тучки лѣтнія дымятся,
 Оросивъ вусты;
 Ужъ подь солнцемъ золотятся
 Башни и кресты.
 Въ небѣ радуги огнистой
 Таетъ яркій путь,
 Воздухъ ясный и душистый
 Тихо нѣжить грудь.
 Тѣшась шумомъ наводненья,
 Звонкій хоръ дѣтей

*

Сыплеть листья и каменьа
 Въ пѣнистый ручей.
 На пескѣ аллеи влажной,
 Гдѣ бѣжалъ потокъ,
 Ужъ оставилъ слѣдъ отважный
 Легкій башмачокъ,
 И подъ сѣтью обновленной
 Зелени сѣвзозной
 Слышенъ градки орошенной
 Запахъ земляной.
 Вотъ и небо засинѣло
 Все—изъ края въ край:
 Иль въ душѣ не просвѣтлѣло
 И земля—не рай?

Вдохнулъ-ли ты свѣжительную силу?
 Въ подобный мигъ ты прежде сожалѣлъ
 Своихъ друзей, опущенныхъ въ могилу,
 И къ свѣту дня любовью пламенѣлъ.
 Ты повторялъ, мой образъ устрояя:
 „Мнѣ жизнь мила! Я жить готовъ, не зная,
 Къ чему я здѣсь... Прекрасенъ мой удѣлъ!..“

поэтъ.

Случалось мнѣ: въ ребяческіе годы,
 Обласканный улыбкою природы,

Я вѣровалъ въ несбыточные сны:
 То призраки завѣтной старины!
 Въ тѣ дни, какъ другъ, со мной шепталась ива
 У синихъ водъ весенняго разлива,
 И въ свѣжій мракъ задумчивыхъ долинъ
 Съ своей мечтой спускался я одинъ
 Ввѣрять имъ пылъ неясныхъ ожиданій...
 Я не люблю такихъ воспоминаній!
 Куда ни глянь: въ безмолвіи лѣсномъ,
 Въ рояхъ свѣтилъ на куполѣ ночномъ,
 Во всѣхъ углахъ роскошной панорамы—
 Вездѣ, вездѣ—покинутые храмы!

ДУХЪ.

Темныхъ призраковъ не стало,
 Словно дыма битвъ:
 Сердце въ мірѣ отыскало
 Образъ для молитвъ!
 У желаннаго порога
 Робко стынетъ кровь:
 То блаженная тревога—
 Первая любовь!
 И свѣжа, какъ ландышъ мая,
 Юностью блестя,
 Вотъ стоитъ она, живая,
 Грѣзь твоихъ дитя...

И вотъ она съ тобой идетъ въ лѣсную тѣнь,
 Гдѣ въ яркой зелени, осыпавъ старый пенъ,
     Блѣблютъ звѣздами ромашки,
 И шелкъ ея волосъ колеблется едва,
 И вѣтеръ утренній ей дышетъ въ рукава
     Ея узорчатой рубашки;

Ужъ вашихъ спутниковъ замоляли голоса.
 Кругомъ — зеленый мракъ, пахучая роса...
     Застигло васъ уединенье...
 Признанье вырвалось невольнo у тебя,
 Ты высказалъ его, робѣя и любя,
     Едва сдержавъ свое волненье.

А помнишь-ли ту ночь, когда въ волнахъ рѣки
 Померьшей пристани дрожали огоньки
     И въ лодкѣ хоръ звучалъ пѣвучій?..
 Въ тотъ мигъ она рукой взмутила пѣну струй
 И влажныхъ пальчиковъ воснулса поцѣлуй,
     Какъ воздухъ нѣжный и летучій.

Иль поздней осенью, при сумракѣ дневномъ,
 Предъ затуманеннымъ, обрызганнымъ окномъ
     Ты съ ней сидишь, бывало, рядомъ
 И, очарованный, не смѣешь ты дохнуть,
 Слѣдя какъ движется ея живая грудь
     Подъ скромнымъ будничнымъ нарядомъ.

А это первое объять нѣжныхъ рукъ,
 Когда въ твоей груди родного сердца звукъ
     Отдался въ трепетномъ бѣненъ,
 И грезились тебѣ: то запахъ темныхъ востъ,
 То взглядъ медлительный, понятный какъ вопросъ,
     То станъ, такъ близкій на мгновенье!

И рдѣла-ли весна, иль была пѣсня вьюгъ,
 Ненастырь-ль тусклое стучалось вокругъ,
     Иль солнце грѣло и струилось,
 Звучаль-ли колоколь, шумѣль-ли разговоръ, —
 Всегда лишь ей одной внимали слухъ и взоръ,
     И ровнымъ счастьемъ сердце билось.

Ты помнишь-ли тѣ дни? — Согрѣта и полна,
 Душа надеждами была окружена,
     И крѣпла въ ней живая сила;
 Счастливая рука работала легко;
 Отъ сердца чистаго все было далеко,
     Что совѣсть чуткая влеймила.

И пусть иной робѣлъ предъ сонмами свѣтилъ,
 Пускай другихъ пугалъ холодный сонъ могилъ,
     Но, чуждый горестнымъ тревогамъ,
 Ты не былъ одинокъ средь бездны мировой:
 Твой духъ тонулъ въ лучахъ души тебѣ родной,
     И свѣтъ любви былъ вашимъ богомъ!..

ПОЭТЬ.

Волшебный духъ воспоминаній,
Печальникъ радостныхъ минутъ,
Не тронь любви очарованій:
Онѣ ушли и не придутъ!
Мнѣ часто снится это время,
Но первый пылъ неувовимъ:
Такъ первымъ отпрыскомъ живымъ
Уже развернутое сѣмя —
Не сблизить вновь свои края
И не годится для посѣва;
Такъ въ лѣтней трели соловья
Ужъ нѣтъ весенняго напѣва!
Я иногда гляжу кругомъ
Съ невыразимымъ утомленьемъ
И жадно жду, когда и въ чемъ
Душа спасется обновленьемъ?
Взываю къ памяти — и въ ней
Недосыгаемой святыней
Сверкають дни любви моей,
Какъ надъ безжизненной пустыней
Живые яхонты звѣзды;
А дальше — тянутся ряды
Ночей угрюмыхъ, дней убитыхъ
На суетливые труды
И рядъ волненій пережитыхъ,

Влеченій, памятныхъ едва
 Иль непонятныхъ, въ изумленью,
 Какъ полу-стертыя слова
 Въ тетрадахъ, преданныхъ забвенью...
 И мнѣ тѣхъ призраковъ не жаль!
 Зато въ душѣ темно и скучно
 И сердце въ прошлому беззвучно,
 А въ жизни холодно, какъ сталь!
 И въ часъ той скорби безутѣшной
 (Тебѣ открою мой секретъ)
 Въ моей груди больной и грѣшной
 О злобѣ дня — заботы нѣтъ!
 Тогда — напрасно лицемѣрить —
 Ищу съ отчаяньемъ слѣпца:
 Кого любить? во чтѣ мнѣ вѣрить?
 Къ чему трудиться до конца,
 Не зная свѣтлыхъ утѣшеній,
 Съ тоскливымъ ропотомъ сомнѣній,
 Что мы уйдемъ, какъ и пришли —
 Плоды случайные земли!..
 И эта язва тайно гложетъ
 Не только страстнаго пѣвца, —
 Она мыслителя тревожитъ
 И ранить бодрого дѣльца.
 Иной, подъ маской скомороха,
 Развязанъ съ виду; но приди —
 Его раздумье прослѣди:

Не сдержитъ онъ большого вздоха
Въ обезнадеженной груди!

И какъ на родину съ чужбины равнодушной,
Какъ изъ тюремной тьмы на волю и на свѣтъ,
Мечта моя летитъ посланницей воздушной
Къ живому чувству юныхъ лѣтъ!

Туда — гдѣ радостью трепещетъ ожиданье,
Гдѣ струйки алыя такъ жизненны въ крови,
Гдѣ страстнымъ холодомъ подъ сердцемъ содроганье
Зоветь къ невѣдомой любви...

Гдѣ ночи лунныя горятъ для тихой встрѣчи;
Гдѣ жжетъ пожатые руки; гдѣ ровной бѣлизны,
Какъ воскъ и лилія, нетронутыя плечи
Невинной прелести полны...

Тамъ все готовится для праздничнаго пира,
Богатъ и радуженъ тѣлесный нашъ уборъ...
Но вспомнишь — для чего?.. Для чуждыхъ цѣлей міра—
И время грабить насъ, какъ воръ!

Пойметъ-ли кто нибудь подавленные слезы
Убогой старости, когда на сватѣ дней
Предъ свѣжей красотой томительныя грезы
На мигъ пробудятся у ней?

Не стыдно-ль намъ тогда за блеклыя сѣдины,
 За кожу мертвую, просящуюся въ гробъ,
 За рѣчь неясную, но ясныя морщины,
 За мудрый, обнаженный лобъ?

И мравъ въ душѣ... Но вотъ инья всходятъ цѣли!
 Служеніе другимъ—работа на людей:
 Мудрецъ беретъ перо, и врачъ идетъ къ постели,
 Отецъ раститъ своихъ дѣтей,

О благѣ лучшихъ дней поетъ, вздыхая, лира,
 Судья познанья лѣтъ влагаетъ въ приговоръ...
 Но вспомнишь—для чего?.. для чуждыхъ цѣлей міра,
 А насъ—долой метутъ, какъ соръ!..

И снова грозной тьмы не смѣю я измѣрить,
 И снова я ищу съ отчаяньемъ слѣнца:
 Кого любить? во что мнѣ вѣрить?
 Къ чему трудиться до конца,
 Не зная свѣтлыхъ утѣшеній,
 Съ тоскливымъ ропотомъ сомнѣній,
 Что мы уйдемъ, какъ и пришли —
 Плоды случайные земли!..
 Угрюмый духъ, волшебный геній!
 Спаси, внемли!

*

ДУХЪ.

Ты все излилъ, чѣмъ страдаетъ грудь поэта,
А можетъ статья—и моя...
Я вѣчный спутникъ бытія,
Я голосъ тьмы: не знаю свѣта...

ДОВОЛЬНО.

Д О В О Л Ъ Н О .

НА ТУРГЕНЬЕВСКУЮ ТЭМУ.

I.

„Довольно“, шепталъ я, спускаясь лѣниво
По гладкому свату крутаго обрыва
Къ спокойному лону рѣвки;
„Довольно“ сказалъ я въ равнинѣ лѣсистой,
Вдыхая прохладу и запахъ смолистый
И въ думахъ земедливъ шаги;
„Довольно“, рѣшилъ я надъ гладью рѣчною,
Слѣдя за небыстрою, темной волною,
Присѣвъ на зеленомъ бугрѣ;
А рѣчка лилась въ берегахъ одинокихъ
И тихо стволы камышей невысокихъ
Купала въ своемъ серебрѣ...
„Довольно!“ Ужъ некуда больше тянуться,
Довольно метаться, пора бы свернуться
И сердцу велѣть замолчать!

Достаточно тѣшиться нѣгой мечтаній
 И чудную въ блескѣ своихъ трепетаній
     Всю жизнь красоту догонять.
 Извѣдано все—и мой духъ утомился...
 И что мнѣ съ того, что такъ ярко разлился
     По синему небу завать,
 Что рядомъ со мною въ кустарникѣ темномъ,
 Въ безмолвіи вечера сладкомъ и томномъ,
     Волшебныя трели звенять:
 Поетъ соловей съ несказанною силой,
 Какъ будто доселѣ съ восторгомъ о милой
     Никто не пѣвалъ никогда!
 О, все это было... и будетъ до вѣка
 И даже досадно—и жаль человѣка,
     И плавать не стоитъ труда.

II.

Эхъ, старымъ я дѣлаюсь! Прежде, бывало,
 Укорю въ судьбѣ никогда не звучало
     Въ душѣ безмятежной моей—
 Въ тѣ дни, когда самъ я зарей разгорался
 И счастьемъ привѣтному весь отдавался
     И пѣлъ, какъ поетъ соловей.
 Я долженъ сознаться: вокругъ потемнѣло
 И прежнее пламя души охладѣло
     И краски потухли на всемъ,

Погасли лучи животворнаго свѣта,
 Которыми прошлое было согрѣто,
     Погасли на сердцѣ моемъ —
 Иль брежутъ, но душу не грѣютъ больную —
 И вотъ я припомнилъ прогулку ночную
     По улицамъ древней Москвы:
 Въ забытой часовнѣ мерцала лампада,
 Руиной стояла изъ камня ограда
     Со всходами сорной травы;
 Въ задумчивомъ сумраѣ ночи безлунной
 Я сталь у окна и къ рѣшеткѣ чугунной
     Прижался горячимъ лицомъ —
 И было въ часовнѣ пустынно и дико,
 Лишь строгія губы священнаго лика
     Подъ слабымъ лампаднымъ лучомъ
 Туманно виднѣлись во тьмѣ непроглядной —
 И глухо терялся въ ней свѣточъ лампадный:
     Такъ мрачно и въ сердцѣ моемъ!

III.

И это пишу я тебѣ, дорогая,
 Изъ грустной пустыни далекаго края,
     Тебѣ, мой единственный другъ.
 Ты помнишь... ты знаешь, какъ сердце любило.
 О горѣ давнишнемъ, что насъ разлучило,
     Теперь вспоминать недосугъ.

Тебя я покинулъ — но въ самомъ изгнаньи
 Мнѣ грезится прошлое въ чудномъ сіяньи
     И весь я проникнуть тобой,
 И вновь я къ тебѣ ощущаю стремленье,
 И слышу я милой руки тяготѣнье
     Надъ скорбной моей головой!
 Прошедшее — общая наша утрата!
 Не видно надежды и нѣту возврата,
     Но нѣтъ сожалѣнья въ груди —
 И чище чѣмъ неба лазурные своды
 Тѣ полные радости лучшіе годы,
     Что бросили мы позади:
 Видѣнья благо толпой не тѣсняются,
 Спокойно могу я на нихъ любоваться,
     Проходятъ онѣ чередой,
 Какъ — помнишь — еоріи въ траурныхъ ризахъ,
 Которыхъ замѣтили мы на карнизахъ
     У стѣнъ Ватикана съ тобой.

IV.

Послушай... мнѣ сладко дѣлиться съ тобою,
 Задуматься вмѣстѣ надъ жизнью былою,
     Вернуться къ годамъ золотымъ.
 Я стану съ тобой говорить, дорогая,
 И думать, что ты предо мною живая.
     Съ внимательнымъ взоромъ своимъ.

О, чудныи очи! Куда вы глядите?
 Въ чью душу вы нынче отраду струите?
 О, взоръ, что меня озарялъ —
 И свѣтлый, и темный, какъ пѣнно игристый
 Источникъ, сокрытый въ долинѣ тѣнистой
 Подъ сѣнью задумчивыхъ скалъ!
 Песлушай...

V.

...То было на вербной недѣли,
 Лишь разъ мы съ тобой повидаться успѣли
 И я, не гадая о томъ,
 Чѣмъ станешь ты въ жизни моей одинокой,
 Уже очарованный, въ тайнѣ глубокой,
 Носилъ тебя въ сердцѣ своемъ;
 И вотъ — я невольно пишу торопливо —
 Мнѣ вдругъ переправа припомнилась живо
 По вспухшему, синему льду
 Одной изъ прославленныхъ рѣкъ на Россіи...
 Зимѣ будто близился часъ агоніи,
 Снѣгъ таялъ уже по слѣду,
 Повсюду вода протекала ручьями,
 Неслышныи вѣтры бродили струями
 Надъ вольной равниной полей;
 Въ сплошное сіянье молочнаго свѣта
 Нѣмая природа казалась одѣта —
 Тумана не видѣлось въ ней,

Но каждый предмет въ бѣлизнѣ полусонной
 Тонулъ, какъ въ обманчивый паръ облеченный,
 И все будто млѣло кругомъ.
 Оставивъ вибитку вдали за собою,
 Я пд-льду рѣчному невѣрной стопою
 Шагаль въ созерцаньи нѣмомъ
 И, кромѣ шаговъ замиравшаго стука,
 Другого подъ небомъ не слышалось звука...
 Охваченный нѣгой весны,
 Я дальше стремился въ слѣпомъ упоеньи
 И грезилъ и спрашивалъ я въ изумленьи:
 Откуда волшебные сны?
 Какая-то радость меня осѣнила,
 Она увлекала, она торопила —
 Но мѣръ утопалъ въ тишинѣ...
 И вдругъ мнѣ завидѣлось: нитью станицы
 Подъ небомъ неслися прилетныя птицы —
 И сердце забилося во мнѣ:
 „О, здравствуй, весна!“ закричалъ я со страстью,
 „Привѣты природѣ и жизни, и счастью —
 Привѣтъ благодатной любви!“
 И въ то же мгновенье съ невѣдомой силой
 Твой образъ разцвѣлъ лучезарный и милый
 Въ моей заплылавшей крови, —
 Разцвѣлъ онъ въ душѣ, будто кактусъ пунцовый,
 И стало мнѣ ясно, что въ радости новой
 Отнынѣ я призванъ судьбой —

Что я полюбилъ въ этотъ день незабвенный,
 Одну лишь тебя полюбилъ во вселенной—
 Что весь я наполненъ тобой!

VI.

О, часто я, часто тебя вспоминаю
 И много забытыхъ картинъ вызываю
 И всюду встрѣчаю тебя.
 То вдругъ мнѣ является садъ одичалый
 И, свѣтъ разливая задумчиво алый,
 Вдали потухаетъ заря.
 Недвижна вода на рѣбѣ у парома,
 Тесовая крыша господскаго дома
 Видна изъ-за темныхъ дубовъ;
 Калитка въ заборѣ немного раскрыта,
 Какъ будто недавней рукою забыта—
 И я ожидаю шаговъ....
 Стою и гляжу на траву и песчинки
 Заросшей, но милой садовой тропинки
 И все затихаетъ кругомъ;
 Стою, напряженный и легкій, какъ птица,
 Какъ будто готовый въ лазурь устремиться,
 Взмахнувъ притаеннымъ крыломъ...
 А сердце-то, сердце — горитъ и трепещетъ,
 И близкое счастье слетаетъ и блещетъ
 Волшебнымъ и ласковымъ сномъ.

VII.

Вотъ въ древнемъ соборѣ ступени амвона...
 Намъ слышатся звуки унылаго звона
     И шепотъ молитвенныхъ словъ,
 Но холодомъ вѣетъ на насъ отъ народа,
 Отъ этихъ громадныхъ, подъ арками свода,
     Вверху развѣтвленныхъ столбовъ.
 А рядомъ со мною ты будто нѣмая
 Стоишь безучастная, точно чужая,
     И каждая складка виситъ
 Недвижно на длинномъ твоёмъ одѣянии,
 И стрѣльчатыхъ оконъ цвѣтное сіянье
     Блится на мраморѣ плитъ.
 Но вотъ — потрясая струи еиміама,
 Какъ громъ, прокатились подъ куполы храма
     Органые звуки волной...
 Ты вдругъ поблѣднѣла и станъ разогнула
 И взоромъ по мнѣ торопливо скользнула,
     Стремясь къ вышинѣ голубой—
 И мнѣ показалось, что чудная сила,
 Которая взоры твои освѣтила,
     Зовется безсмертной душой...

VIII.

А вотъ и другая картина мелькаетъ:
 Не храмъ позолоченный насъ подавляетъ
     Величїемъ строгимъ своимъ —
 Въ уютную комнату тихо укрывшись,
 Отъ цѣлаго міра съ тобой отдѣлившись,
     Мы дружно за книгой сидимъ.
 Да, въ цѣлой вселенной одни мы съ тобою.
 Да чтò говорю я! За этой стѣною—
     И смерть, и пустыня, и тьма:
 Не вѣтеръ тамъ воетъ, не дождикъ струится,
 То Хаосъ печальный рыдаетъ и злится
     И ночь негодуетъ сама,
 А намъ — и тепло, и свѣтло, и привѣтно,
 И дѣтская радость легко, незамѣтно
     Какъ будто порхаетъ вокругъ.
 Къ моей головѣ ты вискомъ прислонилась
 И взорами въ книгу мою погрузилась,
     И бьются, мнѣ слышныя вдругъ,
 Такъ явственно жилки твои голубыя;
 Въ затишьи блаженномъ сердца молодая
     Согласно и ровно стучать;
 Лицо мое раньше улыбку рождаетъ,
 Чѣмъ смѣхъ по устамъ у тебя пробѣгаетъ,
     И взглядъ отвѣчаетъ на взглядъ

Взамѣну рѣчей и вопросовъ ненужныхъ;
 Сливаются мысли въ мечтаніяхъ дружныхъ,
     Смѣшали дыханье уста—
 И вотъ ужъ послѣднія пали преграды—
 И сердце не требуетъ большей отрады,
     И дальше не рвется мечта!

IX.

Иль помнишь—осенняго утра прохладу
 И нашу прогулку по старому саду
     Съ забытымъ дворцомъ въ глубинѣ?
 Средь зелени темной дорожки пустыя
 И близкой рѣвки берега отложные,
     И свѣтъ въ голубой вышинѣ?
 О, какъ передать это счастье нѣмое,
 И радость, и нѣгу въ безлюдномъ покоѣ,—
     Намъ чуждаго города видѣ,—
 Въ окрестной природѣ блистанье отрады,
 И тихія думы, и долгіе взгляды,
     Которыхъ ничто не мутитъ!..
 Вотъ—стаями галки на небѣ роятся
 И съ крикомъ осеннимъ на вѣтви садятся,
     Вотъ слышится лай вдалекѣ,
 Вонъ видно, какъ въ полѣ солдаты обучаютъ,

Беззвучныя лодки вблизи проплываютъ

По гладкой и свѣтлой рѣкѣ.

А помнишь скамейку, гдѣ мы отдыхали

И головы тихо въ раздумьи склоняли—

Во вѣкъ мнѣ ее не забыть!

Какъ выразить тѣ золотыя мгновенья!

Ничтожны слова и безсильны сравненья—

Къ чему же о нихъ говорить?

Мы знали, что лучшихъ мгновений не будетъ—

И правда: довольно!.. Все кончено... Будетъ!

Довольно... и не зачѣмъ жить.

Х.

Я съ грустью къ видѣнныямъ роднымъ обращаюсь

И съ ними отнынѣ на вѣки прощаюсь—

Такъ точно надъ владомъ скупой

Дрожить и любитъся золотомъ милымъ

И съ нимъ разставаясь, въ молчаньи уныломъ,

Его засыпаетъ землей;

Такъ точно фитиль истощенной лампы,

Встрѣчая повсюду горѣнью преграды,

Сверкаетъ послѣднимъ лучомъ—

И гаснетъ, скрываясь въ пеплѣ холодномъ;

Такъ точно, печалась о лѣтѣ свободномъ,

Звѣрекъ выползаетъ тайкомъ

Изъ маленькой норки и смотреть на воды,
На солнце и травку, на синіе своды
    Предъ долгимъ и тягостнымъ сномъ, —
Взглянулъ — и свернулся и въ норку забился...
О, еслибъ ему хоть однажды приснился
    Тотъ лугъ, озаренный лучомъ!

ОБРУЧЕННЫЕ.

Обрученные.

Изъ „хроникки происшествій“.

„Сильна любовь, какъ смерти!“
Пѣснь пѣсней. VIII. 6.

I.

Здѣсь тихая смерть обитаетъ въ покояхъ,
И двери для всѣхъ отперты:
Невѣста лежитъ въ гіацинтахъ, левояхъ —
Съ улыбкой остыли черты.

Въ тѣни соболиныхъ рѣсницъ утопая,
Севозять голубые глаза,
И кажется, будто въ селеніяхъ рая
Имъ снится небесъ бирюза,

Иль грезится тишь въ голубомъ океанѣ
И свѣтъ незакатныхъ лучей...
А колоколь плачетъ въ надземномъ туманѣ
Невнятной печалью людей...

И стрѣла часовъ, пробѣгая по кругу,
 Ведя утомительный счетъ,
 Предѣлъ назначаетъ трудамъ и досугу,
 И горю, и счастью черѣдъ.

И гдѣ-то въ углу приунывшаго дома
 Украдкой посудой гремятъ:
 Рыдавшихъ постигла нѣмая истома—
 Ихъ слабость друзья сторожатъ.

Но съ холодомъ въ членахъ и съ жаромъ въ зѣницахъ
 Глядятъ они тупо вокругъ,
 Взаимно читая въ потерянныхъ лицахъ
 Невольный предъ жизнью испугъ.

Имъ странны движенья прислуги несмѣлой,
 Случайные звуки рѣчей,
 Постылая яства на скатерти бѣлой,
 На утвари—отблескъ лучей...

И всѣмъ, точно призракъ, осилившій зрѣнье,
 Мерещится въ саванѣ та,
 Кто здѣсь, за стѣною вкусивъ усыпленье.
 Исчезла, какъ въ небѣ мечта...

Житейское море въ немолчныхъ прибойахъ
 Сюда не домчитъ суеты:
 Здѣсь тихая смерть обитаетъ въ покояхъ,
 Здѣсь вянуть на гробѣ цвѣты.

II.

А Невскій въ этотъ день, какъ и въ другіе дни,
Кипѣлъ прохожими на солнцѣ и въ тѣни,
И также, въ двѣ рѣки, тянулись экипажи
Межъ стеколь, блещущихъ соблазнами продажи,
И разноцвѣтные, но блѣдные дома
Подъ небомъ высились, какъ ровная вайма,
И башня думская подобно часовому
Внимала холодно движенію дневному...
Все та же вѣчная живая суета
И тотъ же вольный видъ съ Аничьева моста
На уходящіе наклоны перспективы:
Шпалеры стройныя такъ горды и красивы!
Межъ нихъ чернѣетъ людъ на гладкомъ полотнѣ—
А тамъ рисуется въ далекой глубинѣ,
Какъ подъ восьмью дождемъ, подъ нитью телефона,
Адмиралтейскій шпиль на дымеѣ небосклона.—
Движенье улицы пришло теперь въ разгаръ:
Гудѣлъ торцовый путь, покрылся троттуаръ,
Зѣваки сучились на лѣстницѣ пассажа,
А передъ лавочкой подвального этажа
Чредой прохожіе сгибались у витринъ,
Гдѣ блещутъ образы пѣвицъ и балеринъ
И въ тусклыхъ копіяхъ желтѣютъ наши славы...
Газетчикъ предлагалъ послѣдніе уставы,
Сулилъ вамъ выигрышъ съ обманчивыхъ таблицъ..

Мелькали профили, пестрѣли сотни лицъ:
 Курсиства съ книжкой и съ думою суровой;
 Кокотка смуглая подъ шляпкою пунцовой,
 Въ боа закутана—два обруча въ ухахъ;
 Убогій инвалидъ привсталъ на костыляхъ
 Предъ сочной выставкой съѣстнаго магазина;
 На дрожжахъ трепетныхъ стремглавъ летѣлъ мужчина,
 Обнявшись съ дамою; въ каретѣ биржевикъ
 Качался выбритый, откормленный, какъ быкъ;
 Артельщики несли золоченные стулья,
 Изъ коновъ публики валила, какъ изъ улья,
 Сходя предъ линіей гостинаго двора;
 Надъ урвнемъ толпы носились вучера;
 Лавей посланника проплылъ съ своимъ плюмажемъ,
 Съ портфелемъ—адвокатъ... но всѣхъ не перескажемъ.

И передъ улицей, гдѣ, словно межъ кулисъ,
 Видѣнья шумныя, всеневныя неслись,
 Печальный юноша застылъ въ оцѣпенѣнни...
 Онъ дрогнулъ и блѣднѣлъ въ глубокое отчужденіи
 Отъ этихъ образовъ, мелькавшихъ передъ нимъ,
 Случайныхъ, суетныхъ, душливыхъ, какъ дымъ!

Онъ былъ здѣсь, правда, не у мѣста
 Съ своей печалью гробовой:
 Уснула тихо предъ зарей
 Последнимъ сномъ его невѣста...
 Онъ видѣлъ смерти бѣлый взглядъ,

И грозной тѣни близкій ядъ
Его мутиль... Страшна потеря
Любимой, избранной души:
Насъ гложетъ скорбь тогда въ тиши
И мы безпомощнѣе звѣря!..
Вокругъ — мы видимъ суету,
А въ глубь души бросая взоры,
Въ себѣ встрѣчаемъ темноту —
И въ ней маемся безъ опоры!
И вотъ, охваченный толпой,
Онъ думалъ — съ болью и тоской:

„Круженье лицъ, и гулъ, и топоть,
Дневной тревоги бѣготня —
И никому неслышный ропоть,
Грызущій сердце у меня!..
О, жизни горестная сказка
И пестрый, безповойный бредъ!
Ужели легкая повязка
Меня спасала столько лѣтъ,
И за толпой, въ цѣпи единой,
Я шелъ на пиршествѣ земномъ,
Считая стройною картиной
Одинъ бессмысленный содомъ?!..
Круженье лицъ, и гулъ, и топоть,
Дневной тревоги бѣготня —
И никому неслышный ропоть,
Грызущій сердце у меня!..“

III.

Въ тревогѣ мрачной и безумной,
Съ лицомъ потерянно-больнымъ
Онъ убѣжалъ съ дороги шумной
Въ другія улицы. За нимъ
Движеніе стихло. Видъ канала
Съ его безшумной пестротой
Раскрылся длинною дугой,
И груда зданій обступала
Изгибы ленты водяной.
Онъ шель, потупя взоръ недвижный...
Предъ нимъ тянулся путь булыжный,
Покрытый грязью, и на немъ
Встрѣчались вдругъ: то влокъ соломы,
То слѣдъ муки, или несомый
Въ круженьи вихря ледяномъ
Газетный листъ, иль голубъ сизый,
Сбравшій зерна на пути,
Чтобъ ихъ подругъ унести
На недоступные карнизы, —
И эти пятна, брызги дня
Его пугали, какъ видѣнья,
Едва доступнаго значенья,
Изъ свѣтлой бездны бытія.
Въ умѣ, смущенномъ до затмѣнья,
Несчастный думалъ: „гдѣ отвѣтъ?

Зачѣмъ онъ свѣтитъ — этотъ свѣтъ?..
 Теперь ты въ гробѣ стынешь, стынешь!
 Ужели мнѣ, хоть я живой,
 Завѣсу тайны роковой
 Ты на мгновенье не раздвинешь?..
 И онъ прислушался... Но вдругъ,
 Очами обведя вокругъ,
 Онъ сдвинулъ дрогнувшія брови—
 И зарыдалъ. Стѣснилась грудь,
 И долго силилась вздохнуть—
 И грѣлась подъ наплывомъ крови...

IV.

Сквозь росу туманную смоченныхъ рѣсницъ
 Легче сердцу кажется горе безъ границъ.
 Вотъ и Маня прежняя, какъ живой портретъ,
 Ходить, улыбается, шлетъ ему привѣтъ.
 Вспомнилось, какъ, рѣзвая, вмигъ она могла
 Отогнать задумчивость отъ его чела:
 Сядетъ съ нимъ подъ лампою, книгой шелестить,
 Втайнѣ словомъ ласковымъ друга подарить
 И рукой дотронется до его руки—
 Оба сердцемъ чувствуютъ, какъ они близки!
 А пройдетъ по вомнатѣ — очи ей вослѣдъ
 Тянутся, любятъся, какъ дитя на свѣтъ!..
 Скроется — и кажется, что за нею вдругъ
 Жизни обрывается лучезарный кругъ.

V.

И припомнилась ночь: онъ не спалъ до разсвѣта.
 Опьянялъ его кровь неизвѣданный пылъ:
 Грудь не знала доселѣ на ласку отвѣта,
 Никому онъ объятій своихъ не раскрылъ.

Съ одиноваго ложа онъ бредилъ о Манѣ;
 Знойныхъ мыслей его обдавала волна
 И казалось ему: въ предразсвѣтномъ туманѣ
 Цѣломудренной тѣнью являлась она.

Онъ молилъ у ней страсти, еще не испитой,
 Онъ угадывалъ тайны ея красоты—
 И слѣпили его бѣлизной непокрытой
 Очертанья, представшія взору мечты...

Онъ боялся несбыточной грезы блаженства
 И придерживалъ сердце горячей рукой,
 Но попрежнему въ чистыхъ лучахъ совершенства
 Нѣжный мраморъ сіялъ передъ нимъ, какъ живой.

А при встрѣчѣ дневной, пожимая ей руку,
 Онъ блаженно внималъ обыденнымъ рѣчамъ,
 Вспоминалъ съ упоеньемъ бессонную муку
 И застѣнчиво вѣрилъ несбыточнымъ снамъ!..

VI.

Но эти сны остались снами!
 И трауръ сладками повисъ
 Надъ всей землей, надъ небесами,
 На всемъ, куда ни оглянись!
 И туча длинная лежитъ на небосклонѣ
 Печальной, тихою чертой,
 И церковь бѣлая съ молитвой на фронтонѣ
 Гласить о вѣчности нѣмой!..
 Дома глядятъ на жизнь, въ тоскливомъ отчужденъи,
 Изъ оконъ, словно изъ очей,
 И каждый шумъ колесъ, смокая въ отдаленъи,
 Гудитъ задумчиво о ней!..

VII.

Сегодня утромъ — неужели
 Онъ это видѣлъ не во снѣ! —
 Одинъ, въ ужасной тишинѣ,
 Къ ея покинутой постели
 Онъ приближался: здѣсь она
 Была недугомъ сожжена,
 Ее сейчасъ отсюда взяли...
 Какимъ безмолвиемъ печали
 Казалась комната полна!

Завѣса сорвана съ окна
 И впущенъ свѣтъ; подушки стынуть,
 И край кровати отодвинуть
 Въ минуты первой суеты
 Отъ голой стѣнки; на комодѣ,
 Смѣшавъ бумажные хвосты,
 Рецепты шепчуть на свободѣ
 О темной мудрости врачей...
 Онъ думалъ: все отерлось ей!
 Съ улыбкой горечи, презрѣнья,
 А можетъ — высшаго прощенья,
 Уснувъ подъ маской ледяной,
 Она забыла мѣръ земной —
 И отдала свое дыханье!
 Но чьей — безвинное созданье—
 Ты чьей замучена рукой?!..
 Когда нѣмую потревожа,
 Ее поднять хотѣли съ ложа,
 Зачѣмъ у ней, какъ у живой,
 Коса рассыпалась волной?..
 И голова зачѣмъ повисла
 Съ какою-то грустью безъ конца?..
 Зачѣмъ тѣ образы безъ смысла
 Терзаютъ близкія сердца?..
 А онъ, плывшій въ ней душою,
 Зачѣмъ онъ Маню увидалъ
 Сквозь дверь, отверенную въ залъ,
 Когда подъ чистой пеленою,

Какъ платье бальное въ чехлѣ,
 Она лежала на столѣ,—
 И вся омытая, нагая,
 Уйдя въ покровы съ головой,
 Ждала одежды гробовой!..
 Что испыталъ онъ, замирая
 Предъ очертаніемъ сквознымъ,
 Мелькнувшимъ смутно передъ нимъ?—
 И стыдъ, и горе—и проклятыя
 За разлученныя объятія!!

VIII.

Онъ все блуждалъ безъ цѣли предъ собой,
 Онъ жаждалъ тайнъ, живому неоткрытыхъ...
 А тусклый день безцвѣтною волной
 Уже спадалъ въ пучину дней забытыхъ!
 И этотъ день, казалось, уходилъ
 За Маней вслѣдъ съ гудѣніемъ и звономъ,
 Свой темный путь огнями бороздилъ
 И замиралъ надъ шумнымъ Вавилономъ...
 И проходилъ невѣдомый народъ,
 Какъ-бы топчась въ довольствѣ безсердечномъ
 По той землѣ, куда она сойдетъ,
 Подъ ихъ стопы — въ нарядѣ подвѣчномъ!..
 Слѣша въ театрѣ, кареты къ площадямъ
 Уже плыли двуглазыми огнями—

И онъ унесся робкими мечтами,
 Подъ своды залъ, гдѣ выглянуть изъ рамъ
 Видѣнья сцены... Въ тихомъ созерцаньи
 Замреть толпа — и дружный грянетъ смѣхъ,
 И трепетомъ обдасть рукоплесканье
 Избранника, вкусившаго успѣхъ...
 У юноши къ порхающей богинѣ
 Задорной страсти вспыхнетъ огонекъ,
 И будутъ спать, какъ прежде, въ паутинѣ
 Любимцы музъ, вѣнчая потолокъ
 Подъ пыльной люстрой въ грязныхъ медальонахъ...
 Тотъ пантеонъ любимыхъ русскихъ лицъ —
 Онъ зналъ его: въ пѣвучихъ перезвонахъ
 Ихъ голоса изъ дремлющихъ гробницъ
 Къ нему дошли съ прославленныхъ страницъ...
 Но въ этотъ мигъ никто, никто на свѣтѣ
 Въ его душѣ не разогналъ бы тьмы!
 Онъ холодно подумалъ о поэтѣ
 И развѣнчалъ великіе умы.
 Онъ былъ одинъ! Его душило горе,
 Какъ будто въ ноздри хлынула волна —
 Исчезли звуки, лица, времена,
 И смерть мелькнула въ помутнѣломъ взорѣ, —
 И въ эту смерть звала его она!..
 Какъ могъ онъ ждать на сердцѣ перемѣны?
 Зачѣмъ бѣжалъ? Чего добился онъ?
 Скорѣй, скорѣй въ покинутыя стѣны:
 Она вѣдь тамъ, и прошлое — не сонъ...

Ея уста не могутъ дать отвѣтовъ,
 Не свѣтитъ мысль подъ мраморомъ чела;
 Но слѣдъ ея судьба не замела:
 И то есть жизнь, когда въ ряду предметовъ
 Она еще, какъ статуя, цѣла, —
 Щадимая рукою разрушенья —
 Та самая, доступная для зрѣнья!..

IX.

Онъ жадно бросился назадъ,
 Туда, гдѣ зала со свѣчами
 За омраченными домами
 Въ себѣ таила страшный владъ...
 Предъ нимъ смѣнялись повороты,
 Смѣнялись улицы съ толпой,
 И полный горестной заботы
 Онъ уходилъ, кончая счеты
 Съ постылой сердцу суетой.
 Но жизнь плыла ему навстрѣчу
 И онъ входилъ въ нее опять,
 Какъ, входятъ раненые въ сѣчу,
 Еще не смѣя отдыхать...
 Къ лицу ласкался воздухъ свѣжій
 И сыпалъ дождиеъ съ вышины;
 Мелькнувшій подъ-носомъ проѣзжій
 Ему кивнулъ со стороны;

Рванулся вѣтеръ съ перекрества
 И тѣни хлынули крестомъ
 Отъ фонаря на бѣлый домъ,
 И на ручьи зардѣла блества
 Предъ поколебленнымъ огнемъ...
 И въ этомъ трепетѣ стихіи
 Онъ слышалъ звукъ, себѣ родной,
 И плачь надъ жизнью молодой
 „Новопреставленной Маріи!..“
 Воздушный утренняго сна,
 Казалось, призракомъ она
 Его въ пути опережала, —
 Вдали садилась — отлетала,
 Неуловима и блѣдна —
 И къ дому скорби призывала!..
 И онъ спѣшилъ за ней туда
 Съ невольнымъ, робкимъ содроганьемъ,
 Какъ передъ горестнымъ свиданьемъ
 Или разлукой навсегда.

X.

Раскрылся тихій рядъ строеній —
 И сердце дрогнуло въ груди:
 Онъ домъ завидѣлъ впереди,
 Гдѣ Маня дремлетъ безъ мученій...
 Была, какъ прежде, холодна

Его громадная стѣна,
Темнѣли выступы, балконы,
Зажглись въ подъѣздахъ фонари—
Какъ будто въ немъ живые стоны
Не раздавались до зари...
Исчезла жизнь—и жизнь пируетъ,
И суетится, и торгуется,
И вотъ зачѣмъ-то въ ближній домъ,
Должно быть въ лавку мелочную,
Спѣшить служанка подъ платкомъ,
Перебѣгая мостовую...
Ночныя тѣни, шумъ дождя,
Очей и слуха впечатлѣнья
И думъ сосущая змѣя—
О, еслибъ грянулъ часъ забвенья!..
И вдругъ—раздумье: тайный страхъ
Ему въ чудовищныхъ чертахъ
Представилъ смерть—и въ передрагѣ,
Придя къ подъѣзду подъ навѣсъ,
Онъ замеръ на послѣднемъ шагѣ—
Въ него вцѣпился жизни бѣсъ...
Но онъ вошелъ: предъ нимъ ступени
Бѣгутъ зубцами сѣрыхъ плитъ
И свѣтъ огня на нихъ дрожить...
Слабѣютъ робкія колѣни...
Площадка... двѣ... и поворотъ,
И сердце прыгаетъ—и вотъ
Нѣмыя двери безъ затвора...

*

Онъ ихъ открылъ съ боязнью вора...
 Въ передней пусто... тишина...
 За щелью—свѣчи... и—она!..

XI.

О, какъ она мила, нетропутая тлѣньемъ,
 Какъ просіялъ потухшій ликъ
 Тѣмъ горестнымъ и сладкимъ умиленьемъ,
 Котораго не выразить языкъ!..
 И слезы жаркія, какихъ не знали очи,
 И плачь раскаянья онъ пролилъ на нее
 За содроганіе свое
 Передъ пустыней вѣчной ночи...
 Теперь въ немъ робости ужъ нѣтъ—
 Теперь не можетъ быть разлуки!
 И къ гробу подойдя, какъ бы творя обѣтъ,
 Онъ рознялъ ей безпомощныя руки
 И палецъ межъ нихъ къ покойницѣ на грудь,
 Чтобъ въ сердцѣ мертвомъ утонуть
 Душой, надорванной отъ муки!..
 Пускай померкло все кругомъ—
 Ему легко, легко, какъ въ дѣтствѣ,
 Среди цвѣтовъ, въ ея сосѣдствѣ,
 Съ слезой, бѣгущею ручьемъ...

И въ тихой, опьяняющей дремотѣ
 Онъ будто чуялъ въ смерти переходъ,
 Онъ созерцалъ въ всемірномъ оборотѣ
 Ея неслышимый полетъ:

Предъ нимъ носились желтыя дубравы
 И восковые облики дѣтей,
 Развалины потухшихъ алтарей
 И пѣсенъ умолкающихъ октавы,
 И тѣни лицъ, и образы временъ,
 Померкшихъ и развѣянныхъ, какъ сонъ —
 И вслѣдъ всему, что кануло въ забвеніе,
 Взывало позднее людское сожалѣніе!..

Но онъ желалъ въ забвеніе отбыть
 Не въ слѣпотѣ подъ выстрѣломъ минутнымъ —
 Онъ жаждалъ съ ней свою кончину слить.

Прельщенный ожиданьемъ смутнымъ
 Ея весь бредъ узнать и пережить:
 Онъ думалъ въ ней найти себѣ отраву,
 Похитить ядъ у ней въ крови —
 Соединиться съ ней по праву
 Нерасторгаемой любви!..

И онъ привсталъ, очнулся сразу,
 На твани трупа бросилъ взоръ —
 На этотъ дѣвственный фарфоръ,
 Таившій темную заразу —

И онъ узналъ — узналъ неотразимо
 Все, что любилъ онъ у живой:
 Особый складъ руки, поникшей недвижимо
 Въ своей обтяжкѣ восковой,
 И очертанья формъ, прекрасныхъ и невинныхъ,
 И волны мягкія волосъ,
 И линіи бровей задумчивыхъ и длинныхъ,
 И блѣдныхъ усть ея вопросъ...
 Его тануло въ ней... Въ умѣ чередовались
 Два близкихъ образа — бездушный и живой —
 И, наконецъ, они смѣшались,
 Какъ тѣни въ тучѣ грозовой...
 Душа — ея душа! — была подъ этимъ прахомъ —
 И еслибъ тлѣніе, кощунствуя надъ нимъ,
 Его пришло разсѣять въ дымъ
 Или смести послѣднимъ взмахомъ —
 Онъ въ немъ бы съ радостью исчезъ...
 Святыня мрака и чудесъ
 Въ него такъ вкрадчиво глядѣла
 Сквозь нѣжный ликъ нѣмого тѣла,
 Что, власть надъ сердцемъ потерявъ,
 Онъ въ тишинѣ благоговѣйной
 У мертвой отвернулъ рукавъ
 И ранилъ верхъ руки лилейной,
 И тѣмъ же лезвіемъ стальнымъ,
 Влекомый чувствомъ роковымъ,
 Онъ сдѣлалъ вмигъ порѣзъ глубокой.
 Въ рукѣ безтрепетной своей:

И такъ онъ втайнѣ слился съ ней,
 Бѣжавъ отъ жизни одинокой...

Онъ все лежалъ къ стѣнѣ лицомъ,
 Дыша прерывисто и шумно.
 Глаза, раскрытые безумно,
 Уже мутились предъ концомъ.
 Ихъ взоръ сухой и воспаленный
 Въ защиту мысли угнетенной
 Мольбой и страхомъ не свергалъ:
 Онъ равнодушно умиралъ...

И пѣснь смолкаетъ у порога,
 Гдѣ вѣковая тишина,
 Гдѣ жизни мелкая волна
 Опять впадаетъ въ лоно Бога.

III.

АЛЬФРЕДЪ МЮССЕ.

Друзья мои! Когда умру я,
Взрослите иву надо мной;
Печальный видъ ея люблю я
Съ поникшей, блѣдною листвою;
И надъ могилою тихо дремя,
Своею тѣнью негустой
Не отягчитъ она ту землю,
Гдѣ вѣчный ждетъ меня покой.

Декабрьская ночь.

ПОВѢТЬ.

Однажды, полночью, тайкомъ
Читаль я въ дѣтствѣ. Все кругомъ
Поверглось въ сонное молчанье—
И вдругъ за столъ присѣлъ со мной,
Подобный мнѣ, какъ братъ родной,
Ребенокъ въ черномъ одѣяньѣ.

Лицомъ онъ грустенъ былъ, но миль,
Онъ лобъ на руку мнѣ склонилъ
И въ книгѣ сталъ читать со мною:
Всю ночь за книгой, при огнѣ,
Онъ былъ со мной наединѣ
И тихо скрылся предъ зарею.

Ужъ было мнѣ пятнадцать лѣтъ,
Когда въ лѣсу, теряя слѣдъ,

На глушь наткнулся я въ мечтаны, —
 Вдругъ отрокъ встрѣтился со мной,
 Подобный мнѣ, какъ братъ родной,
 Въ знакомомъ черномъ одѣяньи.

Онъ лютню несъ въ рукѣ одной,
 Цвѣты шиповника — въ другой
 И мнѣ кивнулъ, какъ другъ старинный;
 Я у него спросилъ мой путь,
 Онъ указалъ мнѣ — повернуть
 Къ холму надъ смежною долиной.

Когда узналъ я жаръ любви
 И слезы первыя мои
 Я лилъ при первомъ испытаньи, —
 Внезапно рядомъ сѣлъ со мной,
 Подобный мнѣ, какъ братъ родной,
 Мой сверстникъ въ черномъ одѣяньи.

Въ нѣмой печали и тоскѣ,
 Сжимая мечъ въ одной рукѣ,
 Другую — къ небу онъ направилъ...
 Онъ будто самъ со мной страдалъ,
 Но только вздохъ одинъ издалъ
 И въ мигъ, какъ сонъ, меня оставилъ.

Въ разгульной юности моей,
 Когда на пиршествѣ друзей

Я взял бокаль для возліянья, —
 Внезапно сѣлъ передо мной,
 Подобный мнѣ, какъ братъ родной,
 Товарищъ въ черномъ одѣянъѣ.

На немъ былъ миртовый вѣнокъ,
 И ветхій пурпура кусокъ
 Онъ трясъ подъ мантиєю черной;
 Онъ исхудалою рукой
 Своимъ бокаломъ тронулъ мой,
 И мой — упалъ, въ рукѣ покорной...

Я помню, въ тотъ ужасный мигъ,
 Какъ умеръ мой отецъ-старикъ,
 Приникъ я къ мертвому съ рыданьемъ, —
 И сирота поникъ со мной,
 Подобный мнѣ, какъ братъ родной,
 Покрытый чернымъ одѣяньемъ.

Слезами взоръ его блестѣлъ,
 Вѣнокъ терновый онъ имѣлъ
 Въ тѣни кудрей... Какъ скорби жало,
 Вонзень былъ мечъ въ его груди,
 И пурпуръ былъ его въ крови,
 И лютя на землѣ лежала.

Запомнилъ живо я его,
 И въ дни страданья моего

Всегда, вездѣ онъ мнѣ являлся.
 Тò демонъ или ангелъ былъ,
 Не зналъ я,—но его любилъ:
 Онъ другомъ нѣжнымъ мнѣ казался.

Когда, усталый зло терпѣть,
 Чтобы ожить иль умереть,
 Покинулъ берегъ я отчизны;
 Когда поспѣшно я бѣжалъ
 И всюду новыхъ силъ искалъ,
 Просилъ надеждъ у новой жизни,—

Подъ небомъ странъ, гдѣ я бродилъ,
 Гдѣ взоръ и сердце утомилъ
 Въ безостановочномъ побѣгѣ;
 Гдѣ хромоногая тоска,
 Какъ отжилаго старика,
 Меня влекла въ своей телѣгѣ;

Гдѣ тайну жизни я ловилъ
 И всюду только находилъ
 Лишь давнихъ призраковъ туманы;
 Гдѣ вновь, не живши, я встрѣчалъ,
 Опять все то-же, чтò видалъ:
 Людей, ихъ злобу и обманы...

Вездѣ, гдѣ вдоль большихъ дорогъ
 Слезою я смочилъ платокъ,

Гдѣ раздались мои рыданья;
 Гдѣ, какъ ягненокъ, здѣсь и тамъ,
 Свой пухъ ропаютъ по кустамъ,—
 Я тратилъ сердца дарованья;

Вездѣ, гдѣ грустно я мечталъ,
 Вездѣ, гдѣ смерти я желалъ,
 Вездѣ, гдѣ я земли касался,—
 Вездѣ несчастный предо мной,
 Подобный мнѣ, какъ братъ родной,
 Въ одеждѣ черной появлялся.

О, кто же ты, кого вездѣ и неизбежно
 На жизненномъ пути мнѣ суждено встрѣчать?
 Твой взоръ задумчивый исполненъ грусти нѣжной
 И злымъ гениемъ нельзя тебя назвать.
 Улыбка мнѣ твоя преподаетъ терпѣнье,
 О сожалѣннн—слеза мнѣ говоритъ;
 Встрѣчаясь съ тобой, я вѣрю въ Провидѣнье,
 Твои страданія близки моимъ мученьямъ
 И дружба тихая въ тѣни твоей сквозить.

Кто-жъ ты? Не знаю я, но ты не ангелъ свѣта:
 Ни разу не пришелъ ты зло предупредить,
 Ни разу въ бѣдствнн не подалъ мнѣ совѣта
 И молча позволялъ судьбѣ меня губить;
 Въ улыбкѣ сдержанной со мной не веселился,
 Утѣшить не умѣлъ участіемъ своимъ,

За цѣлыхъ двадцать лѣтъ, что ты за мной влачился,
 Себя ты не называлъ и мнѣ ты не открылся—
 Зачѣмъ-бы такъ робѣлъ небесный серафимъ?

И вотъ, почти сейчасъ, въ сегодняшній же вечеръ
 Ты былъ со мной опять.—Какъ ночь была темна!
 Какъ грозно бушевалъ и рвался въ окна вѣтеръ!..
 Я былъ такъ одинокъ на ложѣ, гдѣ она
 Недавно ласкою своей меня дарила,
 Еще на ложѣ томъ все молвило о ней,
 Осиротѣлое,—оно не вдругъ остыло...
 Я думалъ, какъ легко она меня забыла,
 Какъ съ ней оборвалась и часть души моей!

Я перечитывалъ послѣднія посланья
 И любовался я обрѣзками мудрей,—
 И вотъ вы, вѣчныя, я думалъ, обѣщанья,
 Мнѣ подарившія такъ мало ясныхъ дней!
 Въ остаткахъ милыхъ тѣхъ какъ будто-бы витаетъ
 Еще недавняя счастливая пора:
 Вотъ слезы сердца какъ безслѣдно исчезаютъ,—
 Глаза тѣ самые ихъ завтра не узнаютъ,
 Которые съ мольбой ихъ пролили вчера!

Я въ связку уложилъ, хранимые въ завѣтѣ,
 Слѣды летучіе блаженства моего,
 И я сказалъ себѣ, что здѣсь, на этомъ свѣтѣ,
 Едва-ль не прядь волосъ живучѣе всего!

*

И какъ теряется въ волнахъ кипучихъ моря
 Покинутый пловецъ, не видя береговъ,
 Такъ, потерявшійся въ забвеніи и горѣ,
 Теперь оплакивалъ одинъ я, на просторѣ,
 Свою безвременно-погибшую любовь.

Ужъ я надъ лентою занесъ сургучъ кипящій,
 Чтобъ связку цѣнную невѣрной отослать —
 Меня остановилъ вдругъ сердца стонъ молящій:
 Я горя своего не могъ еще понять...
 О, безразсудное и гордое созданье,
 Ты не хотѣла знать, но вспомнишь ты меня!
 Чтò значили твои недавнія рыданья
 И слезы, и тоска, и спертое дыханье?
 Ужель — притворный пылъ, безъ тайнаго огня?

Ты плакала, и знай — еще ты плавать будешь!
 Межъ нами тѣнь твоя невидимо живетъ
 И, оттолкнувъ меня, — меня ты не забудешь:
 Разлука на тебя всѣмъ бременемъ падетъ!
 Уйди, оставь меня и унеси съ собою
 Довольство гордое на сердцѣ ледяномъ!
 Еще въ груди моей есть сердце молодое,
 Оно не замолчить, пронзенное тобою,
 И много новыхъ ранъ помѣстится на немъ.

Увы! не всѣмъ тебя природа одарила,
 Хоть образъ ласковый волшебнo убрала,

Всегда своей красой ты тѣшиться любила,
 Жалѣть же и прощать вовѣкъ ты не могла.
 Уйди... оставь меня... иди своей дорогой
 И пепель прошлаго по вѣтру ты разсѣй!
 Я счастье найду и въ жизни одинокой...
 Иль нѣтъ! Скажи, зачѣмъ ты стала мнѣ далекой?
 Зачѣмъ тебя здѣсь нѣтъ въ безмолвіи ночей?

Но вновь по воздуху мелькнуло тѣни нѣжной
 Дрожанье слабое — и вновь передо мной
 Явился ты, мой гость, мой спутникъ неизбѣжный,
 Портретъ задумчивый, печальный призракъ мой!
 Кто-жь ты? — Летучій сонъ? Мое-ли отраженье?
 Чего ты требуешь, что хочешь отъ меня?
 Зачѣмъ слѣдишь за мной, не зная утомленья?
 Мой братъ таинственный, безмолвное видѣнье,
 Отеройся-жь, наконецъ, и назови себя.

ВИДѢНЬЕ.

Я разрѣшу твои сомнѣнья:
 Мы дѣти матери одной,
 Не ангелъ я хранитель твой,
 Но также и не ангелъ мщенья.
 На краткомъ жизненномъ пути
 Не знаю самъ, куда пойти
 Придется тѣмъ, кого люблю я.
 Не богъ, но и не демонъ я,

И вѣрно назвалъ ты меня,
Безмолвнымъ братомъ именуя:
Тебя всю жизнь я прослѣжу,
Къ порогу смерти провожу
И сяду надъ твоей могилой.
Я другъ въ дни скорби и тоски,
Но не подамъ тебѣ руки:
Я—одиночество, мой милый!

ОКтябрьская ночь.

поэтъ.

Прошла моя печаль, подобно сновидѣнью,
И/ныньчѣ слѣдъ ея, летучій и пустой,
Готовъ я приравнять ночному испаренью,
Упавшему въ траву невидимой росой.

муза.

О, мой поэтъ! Какое зло
Тебя такъ долго стерегло?
Давно, давно ужъ я гадаю,
За чтѣ, безмолвіе храня,
Ты отшатнулся отъ меня,
За что напрасно я страдаю?

поэтъ.

О, то была печаль изъ самыхъ обиденныхъ
И сердцу cadaго грозитъ она равно;

Но вѣчно думаетъ любой изъ огорченныхъ,
 Что горе высшее познать ему дано.

МУЗА.

Довѣрься мнѣ въ ночной тиши,—
 У обиденной лишь души
 Печаль быть можетъ обиденной.
 Раскрой свою больную грудь,
 Чтобъ могъ свободно ты вздохнуть,
 Отъ горькой тайны облегченный.
 Вѣдь знаешь ты, — молчанья богъ
 Печалень, сумраченъ и строгъ,
 И братомъ смерти онъ зовется.
 И грусть въ безмолвіи растеть,
 Но бремя съ сердца упадетъ,
 Когда въ словахъ она прольется.

ПОЭТЪ.

Меня, повѣришь-ли, беретъ уже раздумье,
 Какъ долженъ я тебѣ печаль свою назвать?
 Была-ли то любовь, иль опытъ, иль безумье,
 И можетъ-ли она другого поучать?
 Но все-же я легко могу передъ тобою
 Ту повѣсть мрачную излить наединѣ.
 Присядь тутъ съ лирою: волшебною струною
 Буди прошедшее, уснувшее во мнѣ.

МУЗА.

Поэтъ! Еще одинъ вопросъ:
 Судьбой ниспосланное горе
 Вѣдь ты безъ злости перенесъ?
 Ты больше съ прошлымъ не въ раздорѣ?—
 Чтобъ отвѣчать душѣ твоей
 Словами вротваго участя,
 Я не должна дѣлить страстей,
 Тебя доведшихъ до несчастья.

ПОЭТЪ.

О, да! Я испѣленъ безслѣдно отъ недуга
 И какъ страдалъ—забылъ. Надъ пропастью крутой,
 Гдѣ прежде я висѣлъ, я стану безъ испуга
 И тамъ, гдѣ я блуждалъ, мнѣ видится другой.
 Ты можешь быть смѣла: въ родномъ уединеньи
 Польется намъ нанѣвъ согласною рѣкой.
 Какъ сладко вспоминать, въ спокойномъ отдаленьи,
 Печаль минувшую съ улыбкой и слезой!

МУЗА.

Какъ мать съ любовью, осторожно
 Качаетъ сонное дитя,
 Такъ я съ заботою тревожной
 Готова выслушать тебя.

Начни разсказъ,—отвѣтомъ нѣжнымъ
 У лиры струны зазвучать,
 И вотъ, въ сіяньи безмятежномъ,
 Ужъ тѣни прошлаго летать.

ПОЭТЬ.

О, ты, мой милый трудъ,—отрада лучшихъ дней,
 Уединенье золотое!
 Опять, мой кабинетъ, сажу въ тиши твоей,
 Мое убѣжище святое!
 Знакомцы старые, давно ужъ не видаль
 Я васъ, забытые, родные:
 Вотъ лампа вѣрная, съ которой я мечталъ
 Въ часы безмолвные, ночные;
 Вотъ кресло пыльное... О, чудный мой дворецъ,
 Приютъ спокойствія и мира!
 Да, муза юная, вернулся твой пѣвецъ,
 Воскресла дремлющая лира!
 Хочу я вамъ теперь страданья разсказать
 Любви исполненной отравы:
 Увы, мои друзья, то женщина опять...
 (Ужъ вы предвидѣли?—И правы!)
 У этой женщины я вѣчно былъ въ рукахъ,
 Какъ рабъ, покорный господину;
 Въ ея безжалостныхъ, губительныхъ когтяхъ
 Порвалъ я сердца половину!
 И все-же я скажу: нерѣдко близъ нея
 Вдали я видѣлъ счастья грѣзы,

Когда мы подь руку бродили у ручья
 Подь тѣнью трепетной берёзы,
 И въ мѣсячныхъ лучахъ на тихомъ берегу
 Песокъ волшебюо серебрился,
 А я ее ласкаль... Довольно... Не могу!
 Къ чему, безумный, я стремился?
 Навѣрное, судьбѣ въ тѣ дни была нужна
 Зачѣмъ-то жертва искупленья,
 И злобно за любовь отмстила мнѣ она,
 Какъ будто счастье—преступленья!

МУЗА.

Минута сладкая игриво
 Мелькнула въ памяти твоей,—
 Скажи, зачѣмъ-же ты пугливо
 Сдержался слѣдовать за ней?
 Зачѣмъ въ бесѣдѣ откровенной
 Были радости таить?
 Не лучше-ль, въ тонъ судьбѣ надменной,
 Объ ихъ заманчивости бренной
 Теперь съ улыбкой говорить.

ПОЭТЬ.

Нѣтъ! Лучше я взгляну съ презрѣнiемъ на горе;
 Теперь, уже остывъ отъ времени въ нему,
 Тебѣ я расскажу, съ улыбкою во взорѣ,
 О томъ, какъ я страдалъ, когда и почему...

*

Я помню, ночь была осенняя дождлива,
Почти такая-же, какъ видишь ты сейчасъ,
И вѣтеръ жалобный въ душѣ моей тоскливо
По струнамъ горестнымъ наигрывалъ не разъ.
Сидѣлъ я у окна, въ тревожномъ ожиданьи
Прислушивался я, идетъ-ли ктонибудь...
Я ждалъ ее... Все нѣтъ!.. Въ невольномъ содроганьи
Поникъ я головой, и въ любящую грудь
Вонзилось черное, больное подозрѣнье:
Измѣна, можетъ быть?.. Какъ прежде, за окномъ
Молчала улица и, точно привидѣнья,
Подчасъ прохожіе мелькали съ фонаремъ.
То вдругъ ненастный вихрь мнѣ слышался за дверью,
И въ немъ чудился мнѣ живой, знакомый вздохъ:
Чего-чего тогда, отдавшись суевѣрью,
Въ душѣ своей больной придумать я не могъ!
Напрасно я взывалъ къ своей послѣдней силѣ,
Напрасно отъ нея поддержки ожидалъ,
Часы урочные безжалостно пробили,
А милой нѣтъ и нѣтъ... Я плакалъ, я дрожалъ,
И все еще искалъ съ безпомощной тоскою
Я тѣнь желанную на брошенномъ пути...
О, Муза, вѣришь-ли, той женщиной пустою
Безумный былъ огонь зажжонъ въ моей груди!
Все въ мірѣ для нея готовъ я былъ оставить,
Труднѣй, чѣмъ съ жизнью, разстаться было съ ней,
И даже въ эту ночь я долженъ былъ лукавить
И лгать передъ собой, стремясь порвать скорѣй

Всѣ цѣпи прошлаго... Я звалъ ее презрѣнной,
 Я укорялъ ее въ жестокости и лжи,
 Но образъ красоты небесной, несравненной
 Властительно смирялъ проклятiя мои!..
 Ужъ брежжилъ полусвѣтъ и я въ изнеможенiи,
 Разбитый, на окнѣ, тревожно задремалъ;
 Но вновь очнулся я, при звукахъ пробужденья,
 И утро яркое на небѣ увидалъ.
 И вдругъ — мнѣ кажется, какъ будто за стѣною
 На смежной улицѣ слышались шаги...
 Я слушаю, гляжу, и — кто-жъ передо мною?
 Она! Я узнаю... О, Боже, помоги...
 Она ко мнѣ идетъ!..— Вошла... ей горя мало!
 Откуда ты? Зачѣмъ? Гдѣ ночью ты была?..
 Гдѣ тѣло чудное въ часы любви лежало?..
 Смѣяться надо мной поутру ты пришла?
 Ты знаешь, — я всю ночь проплакалъ на-сторжѣ,
 А ты, — любовь свою дѣлила ты съ другимъ?
 Скажи, безстыдная, на чемъ была ты ложъ?
 Какъ смѣешь думать ты, что буду я твоимъ,
 Что я въ объятiямъ усталымъ, ненасытнымъ,
 Со страстью нѣжною и ласкою прильну?
 Иди, вернись опять къ дѣламъ своимъ постыднымъ,
 А я навѣкъ любовь и молодость влянупо!..

МУЗА.

Смирись, смиришь, я умоляю.
 Отъ словъ несдержанныхъ твоихъ,

И я тревожусь и страдаю.
 Едва-ли твой недугъ затихъ!
 Должно быть, раною глубокой
 Ты былъ когда-то пораженъ:
 Тяжелъ ударъ судьбы жестокой, —
 Не такъ легко проходить онъ.
 Забудь ее, дитя родное!
 Ты имя, прежде дорогое,
 Скорѣй изъ сердца изгони,
 Иль, какъ чужое, вспомяни.

ПОЭТЬ.

О, стыдъ тебѣ: ты мнѣ впервые
 Дала измѣну испытать,
 Извѣдать гнѣвъ, порывы злые
 И вѣру въ счастье потерять.
 Тебѣ, тебѣ я, черноокой,
 Тебѣ я шлю проклятье вновь:
 Ты погребла во тьмѣ глубокой
 Мои надежды и любовь!
 Твоя улыбка, взоръ лукавый,
 Твоя губительная рѣчь
 Мнѣ стали горькою отравой,
 И былъ бы я готовъ обречь
 Теперь на гибель все земное,
 Въ чемъ есть на радости намекъ:

Зато — тебѣ, созданье злое,
Зато — красѣ твоей упрекъ!
Любви восторженные грезы
Съ тобой навѣкъ я потерялъ;
Слезамъ не вѣрю, — тѣ же слезы
Не у тебя-ли я видалъ?
О, стыдъ тебѣ! Тебѣ довѣрилъ
Я жизнь и сердце въ первый мигъ,
Я былъ дитя — не лицемѣрилъ
И лжи ни въ комъ бы не постигъ.
Конечно, не было защиты
У сердца дѣтскаго тогда, —
Могли быть каждою разбиты
Мои надежды безъ труда...
Но было легче молодья
Мечты совсѣмъ не нарушать.
О, стыдъ тебѣ: ты мнѣ впервые
Дала страданье испытать!
Не ты-ль безжалостнымъ ударомъ
Слезу заставила бѣжать?
Повѣрь, источникъ тотъ недаромъ
Открытъ тобою... Изсягать
Ему судьба не дозволяетъ...
Онъ все бѣжить, не умоляетъ,
Онъ всѣ печали омываетъ,
И будетъ день, увѣренъ я,
Я въ немъ умоюсь отъ тебя!

МУЗА.

Довольно, мой поэтъ! Послушай: какъ бы мало
 Невѣрной женщиной ты ни былъ увлечёнъ,
 Хотя бы день одинъ отраду сердце знало,
 За этотъ день одинъ ужъ долженъ быть прощень
 Ударъ, полученный тобою отъ коварной.
 Ты хочешь быть любимъ, умѣй-же уважать
 Любовь минувшую душою благодарной.
 Я знаю: для людей такъ тягостно прощать
 Обиды ближнему, — но если уничтожишь
 Въ себѣ ты ненависть, — вѣдь мукъ избѣгнешь ты,
 Предай забвенію, чего простить не можешь.
 Какъ мертвыхъ берегутъ могильные кресты,
 Такъ точно у любви есть бранные остатки,
 Мечты уснувшія, — и нуженъ имъ покой.
 Зачѣмъ душѣ твоей томительны и гадки
 Воспоминанія любви твоей былой?
 А можетъ, крылась тутъ забота Провидѣнья
 И опытъ бѣдствія созрѣть тебѣ помогъ?
 Мы всё находимся у горя въ обученіи
 И съ трезвой мудростью выходимъ изъ тревогъ.
 Да, мраченъ тотъ законъ, но вѣченъ, непреложенъ,
 Что каждаго должно несчастье окрестить:
 Налогомъ горести счастливый мигъ обложенъ —
 Страданьемъ за него мы призваны платить.
 Взгляни — подъ тучами, грозою и вѣтрами
 Выравниваетъ хлѣбъ свой кдлосъ золотой,

И радость я сравню съ душистыми цвѣтами,
 Вспоенными дождемъ, омытыми росой.
 Не самъ-ли ты сказалъ, что больше не страдаешь?
 Ты счастливъ, ты любимъ, всѣ сладости земли
 Теперь безопасно ты и весело вкушаешь.
 Припомни-жь слезы тѣ, что нѣкогда текли:
 Не ихъ-ли горечью, не старымъ-ли недугомъ
 Цѣнить все лучшее ты мудро наученъ?
 И какъ теперь легко тебѣ въ бесѣдѣ съ другомъ!
 Бокаловъ на пиру какъ весель нынче звонъ!
 Ты могъ-ли-бъ такъ любить красу земного міра,
 Сонеты, пѣнье птицъ, нарядные цвѣты,
 Искусства древнія, творенія Шекспира,
 Когда-бъ въ ихъ прелести подчасъ не слышалъ ты
 Отвѣта нѣжнаго на прежнія страданья?—
 А неба яснаго прозрачная лазурь?
 А вѣчный ропоть волнъ? А полночи молчанье?
 Кто-бъ могъ ихъ понимать, не знавъ душевныхъ бурь
 Иль мукъ безсонницы и думъ о снѣ загробномъ?
 Вѣдь нынче счастливъ ты съ подругою иной,
 И въ сердцѣ, нѣкогда обиженномъ и злобномъ,
 Какой приливъ любви ты чувствуешь порой!
 Теперь, когда вдвоемъ вамъ вечеромъ случится
 Бродить съ ней подъ рукунадъ дремлющимъ ручьемъ—
 На тихомъ берегу не также-ль серебрится
 Песокъ заманчиво подъ мѣсячнымъ лучомъ?
 Слетаются опять надъ вами счастья грезы,
 Опять дано тебѣ красавицу ласкать

Подъ тѣню трепетной, по-прежнему, березы
 И ты ужъ предъ судьбой не станешь унывать.
 Зачѣмъ-же ты влянешь старинныя печали,
 Невѣрные шаги минувшихъ юныхъ лѣтъ?
 Все то, чѣмъ ты богатъ, они тебѣ послали!
 Дитя мое! Въ тебѣ, я знаю, злобы нѣтъ:
 Прости и пожалѣй ту женщину, которой
 Обязанъ первой ты мучительной слезой,
 И да послужить въ томъ самъ Богъ тебѣ опорой,
 Создавшій вамъ союзъ для радости земной,
 Увы, невысказанной безъ горькихъ испытаній.
 Какъ знать? Она тебя любила, можетъ быть,
 И ей не обошлась разлука безъ страданій,
 Но случай ей велѣлъ мечту твою разбить.
 Легко-ли было ей въ тебѣ оставить рану,
 Отдать тебя другой, проливши море слезъ?
 Не всѣ-же слезы тѣ приписывать обману!
 Прости ее, дитя, — мечту невинныхъ грезъ!

ПОЭТЪ.

И правда! Злоба нечестива,
 Какъ змѣй подземный холодна,
 И содрагаюсь я брюзгливо,
 Когда ползетъ по мнѣ она.
 Внимай-же, милая богиня,
 Молю — свидѣтельницей будь:
 Проникла мирная святыня

Въ мою измученную грудь.
 Клянусь глазами голубыми
 Моей подруги молодой,
 Клянусь я благами земными,
 Клянусь небесной синевою,
 Клянусь божественной вселенной
 И вѣчной благостью Творца,
 Звѣздою утра несравненной,
 Надеждой тихаго конца;
 Клянусь я жизненною силой,
 Роскошной зеленю полей
 И всѣмъ, что жду я за могилой,
 Клянусь — изъ памяти своей
 Теперь на вѣкъ я изгоняю
 Ту повѣсть черную свою!
 На мирный сонъ я обрекаю
 И тѣнь печальную твою,
 О, ты, какъ райское видѣнье,
 Меня привлекая къ себѣ!
 Уже готовой дать забвенье,
 Даю пощаду я тебѣ.
 Простимъ другъ другу. Я снимаю
 Предъ Богомъ цѣпь твоей любви,
 Съ слезой послѣдней посылаю
 Тебѣ послѣднее: прости!

Теперь-же, муза молодая,
 Ты, златокудрая моя,

Скорѣй, рѣзвись и напѣвая,
Гони раздумье отъ меня.
Поемъ любовь, поемъ свободу!
Безслѣдно, ненависть, умри!..
Гляди — воскресшую природу
Уже ласкаетъ лучъ зари.
Скорѣй идемъ гулять по лугу,
Цвѣты по-прежнему срывать,
Идемъ будить мою подругу,
Ее лелѣять и ласкать.
Какъ солнце землю пробуждаетъ,
Такъ, Муза, ты бодришь меня,
И возрожденье — сердце знаетъ —
Ко мнѣ придетъ съ лучами дня!

Майская ночь.

МУЗА.

Спой пѣсню, мой поэтъ, воснись меня устами!
Сегодня, въ эту ночь, рождается весна:
Шиповникъ ужъ цвѣтетъ; душистыми вѣтрами
Отъ юга вѣетъ въ намъ; поляна зелена
И птички вешнія гнѣздятся подъ кустами.
Спой пѣсню, мой поэтъ, воснись меня устами!

ПОЭТЪ.

Какая тамъ, въ долину, тьма!
Я видѣлъ тѣнь: изъ-за холма
Она таинственно предстала,
Неслась по зелени луговъ,
Въ лѣсу мелькала межъ деревъ,
И вдругъ—опять ея не стало...

МУЗА.

Спой пѣсню, мой поэтъ! Вотъ ночь, благоухая,
 Колеблетъ свой покровъ надъ сонною землей
 И роза, надъ жучкомъ листочки замыкая,
 Съ заботой нѣжною поить его росой.
 Послушай, что за тишь! Припомни образъ милой,
 Лети въ объятія въ ней мечтою легкокрылой!
 Сегодня на рѣкѣ вечерній лучъ потухъ
 Такъ нѣжно, будто онъ томился отъ разлуки,
 И въ воздухѣ ночномъ лобзаній такъ звуки,
 Какъ будто въ немъ любви парить незримый духъ.

ПОЭТЪ.

Зачѣмъ печаль меня томитъ
 И сердце бьется и щемитъ,
 И грудь такъ тягостно вздыхаетъ?
 Кто тамъ за дверью у меня?
 И лампа тусклая моя
 Зачѣмъ тревожно такъ пылаетъ?
 Вотъ мѣрно, глухо въ тишинѣ
 Часы пробили на стѣнѣ...
 Вотъ будто голосъ недалекій
 Коснулся слуха моего...
 Кто тамъ? Молчанье. Нивого...
 О, я несчастный, одинокій!

МУЗА.

Спой пѣсню, мой поэтъ! Броженъе молодое
 Природу въ эту ночь волнуешь и томить,
 Желаньями любви сгараешь все земное,
 И страстью бурною вся кровь моя выпить.
 Когда-то для тебя прекрасною была я,
 Прекрасна и теперь,—взгляни ты на меня...
 Иль, милый, ты забылъ, какъ нѣкогда, рыдая,
 Ты палъ ко мнѣ на грудь, и тихо, осѣня
 Тебя своимъ крыломъ, я тучи разогнала,
 Когда, еще дитя, ты началъ горевать?
 О, дай мнѣ поцѣлуй... Мнѣ жить осталось мало,
 Молитвы я прошу, чтобъ утро увидеть.

ПОЭТЪ.

Не твой-ли голосъ музыкальный
 Я слышу, Муза? Мой цвѣтокъ!
 Моя богиня! Твой печальный
 Питомецъ нынче одинокъ.
 О, неизмѣнная, родная,
 Одна мнѣ близкая теперь,
 Войди, ласкаясь и блистая,
 И душу свѣтомъ наполняя,
 Въ мою повинутую дверь!

МУЗА.

Спой пѣсню, мой поэтъ! То — я, твоя подруга.
Я видѣла съ небесъ, какъ былъ печаленъ ты,
Снѣдаемый тоской сердечнаго недуга,
И я къ тебѣ сошла съ лазурной высоты.
Страдалецъ мой, я здѣсь! Я знаю, тайной боли
Душа твоя полна. Не снова-ль, милый мой,
Манить тебя любовь, какъ призракъ лучшей доли,
Какъ отблескъ радости мелькая предъ тобой?
Иди, мы воспоемъ минувшія тревоги
И счастья свѣтлаго утраченные дни;
Волшебной силою, могучіе, какъ боги,
Въ туманѣ прошлаго засвѣтимъ мы огни.
Чего желаешь ты? Веселья, славы звуки
Мы тотчасъ вызовемъ на лирѣ? Хочешь: въ даль
Умчимся въ уголокъ, гдѣ нѣтъ терзаній скуки
И гдѣ забвеніемъ врачуется печаль?
Куда мы полетимъ? Весь міръ открытъ предъ нами:
Вонъ тамъ — Италія въ полуденномъ огнѣ,
Вдали — Шотландія съ зелеными холмами,
Тамъ — горы Греціи, синѣя въ тишинѣ,
Глядятся съ высоты въ кристальные заливы...
О, чудная страна! О, мой родимый край!
Откуда-жъ мы возьмемъ волшебные мотивы
Для пѣсенъ и молитвъ? Рѣшайся, выбирай:
О томъ-ли будемъ пѣть, что ангелъ безмятежный
Тебѣ нашептывалъ сегодня въ полуснѣ,

Когда въ окно сирень вливала запахъ нѣжный,
 И ранніе лучи играли на стѣнѣ?
 Блестящіе полѣи пошлемъ-ли въ бой горячій?
 Надежду-ль окрылимъ? Упьемся-ли слезой?
 Любовника-ль взведемъ по лѣстницѣ висячей?
 Замылимъ-ли коня подѣ вихремъ и грозой?
 Поднявъ-ли къ небесамъ задумчивые взгляды,
 Мы будемъ пѣть Того, кто въ благодсти своей,
 Въ лазури засвѣтилъ несчетныя лампы,
 Кто жизни и любви вливаетъ въ нихъ елей?
 Въ морскую-ль глубину проникнемъ, гдѣ кораллы
 И жемчугъ мы сорвемъ съ таинственнаго дна?
 За смѣлымъ-ли стрѣлкомъ взберемся мы на скалы?
 Предъ нимъ трепещетъ лань; испуганно она
 Со взоромъ жалобнымъ взываетъ о пощадѣ;
 Оврагъ ее манитъ, дѣтеныши зовутъ...
 Стрѣлокъ ее сразилъ, а жадныя къ наградѣ
 Собаки собрались надъ жертвою и ждуть,
 И сердце теплое охотникъ имъ бросаетъ.
 Воспѣтъ-ли дѣву намъ? Стыдлива и стройна,
 Она еще едва для счастья разцвѣтаетъ;
 Вотъ съ нѣжной матерью въ соборъ идетъ она;
 За ними юный пажъ. Съ тревогою во взглядѣ,
 Красавица, забывъ молитву и соборъ,
 Внимаетъ, какъ звучитъ въ церковной колоннадѣ
 Поспѣшный бѣгъ коня и эхо звонкихъ шпоръ...
 Призвать-ли, съ копьями и въ блескѣ арматуры,
 Героевъ Франціи на башни старыхъ стѣнъ?

Иль нуть поютъ романсъ родные трубадуры,
 Слагая гимнъ любви, оплакивая плѣнъ?
 Элегіи къ тебѣ призвать-ли образъ блѣдный?
 Иль Ватерлооскаго героя оживить,
 Который тьмы людей рукой своей побѣдной
 По прихоти своей рѣшилъ погубить?
 Но къ славному вождю явился вѣстникъ ночи,
 Онъ гордаго низвергъ однимъ ударомъ крыль,
 Соменулъ ему навѣкъ воинственныя очи
 И руки на стальной груди его сложилъ.
 Иль имя низкое зоила-памфлетиста
 Къ позорному столбу мы грозно пригвоздимъ,
 Чтобъ онъ отравою ругательства и свиста,
 Въ безвѣстности своей забыть и невредимъ,
 Не смѣлъ у генія тревожить вдохновеній
 И лавры обгрызать на избранномъ челѣ!..
 Спой пѣсню, мой поэтъ! Смотри—отъ дуновеній
 Весеннихъ я лечу... Остаться на землѣ
 Мнѣ трудно... Часъ насталь, часъ думъ и пѣснопѣнній,
 О! дай мнѣ хоть слезу!.. Теряюсь я во мглѣ...

ПОЭТЪ.

О, если ты однихъ лобзаній
 Иль слезъ желаешь отъ меня,—
 Подруга, вѣрь, безъ колебаній
 Ихъ дамъ тебѣ отъ сердца я.
 Когда утонешь ты въ эфирѣ,

Когда на небѣ будешь ты,
 Припомни, какъ тебѣ на лирѣ
 Ввѣрялъ я сладкія мечты!
 Ужъ я, увы, не воспѣваю
 Ни грезъ, ни славы, ни любви;
 Не слышу жизни я въ ерочи
 И даже зло не проклиною;
 Не льется рѣчь, и я въ тиши
 Внимаю лепету души.

МУЗА.

Но что-жъ ты думаешь? Что я, какъ вихрь осенній
 Съ могилъ собираю скорбь и жадно слезы пью,
 Блуждая по стопамъ печальныхъ привидѣній?
 А нѣжный поцѣлуй,—не я-ль тебѣ даю?
 Нѣтъ! Сорная трава, которую хотѣла
 Я съ корнемъ истребить, то—лѣнь твоя, мой другъ.
 И если въ старину душа твоя болѣла,
 Раскрой и обнажи мучительный недугъ.
 Чѣмъ выше человѣкъ, тѣмъ путь его опаснѣй;
 Поэтъ, свою печаль безслѣдно ты не прячь!
 Отчаянія пѣснь едва-ль не всѣхъ прекраснѣй,
 Есть пѣсни дивныя, похожія на плачь.
 Ты знаешь—пеливанъ, когда онъ прилетаетъ
 Въ вечернемъ сумракѣ къ оставленнымъ птенцамъ,
 Вся жадная семья на берегъ выбѣгаетъ,
 Отца издалека зоветъ знакомый гамъ

*

Измученныхъ дѣтей. Избравъ утесъ высокій,
 Питомцевъ осѣнивъ повиснувшимъ крыломъ,
 Онъ въ небо темное вонзаетъ взоръ глубокой,
 И льетъ густая кровь дымящимся ручьемъ
 Изъ груди жалкаго кормильца-рыболова!
 Нѣтъ корма у него, напрасно онъ искалъ
 Добычи въ камышахъ, вдоль берега морскаго
 И въ черной глубинѣ за цѣпью синихъ скалъ.
 Онъ сердце лишь свое принесъ для насыщенья
 Любимыхъ имъ дѣтей, и молча дѣлитъ онъ
 Свою всю внутренность. Не чужа истощенья,
 Голодную толпой задавленъ, окруженъ,
 Онъ нѣжностью своей печаль свою смягчаетъ!
 Такъ жертва чистая, пируя свой конецъ,
 Свою живую грудь для близкихъ онъ терзаетъ;
 Бываетъ иногда, что любящій отецъ,
 Усталый умирать отъ пытки непосильной,
 Рѣшительный ударъ себѣ наноситъ самъ.
 Тогда несется крикъ въ ночной тиши могильной—
 Его послѣдній вопль по темнымъ берегамъ.
 Онъ страшно такъ звучитъ, что нутниекъ запоздалый
 Невольно крестится, и въ разныя концы
 Всѣ птицы прячутся отъ пѣсни небывалой:
 Такъ плачутъ, мой поэтъ, великіе пѣвцы!
 Они даютъ шумѣть толпѣ самодовольной,
 Пока не призовутъ ее въ себѣ на пиръ,
 Но полонъ горечи звукъ пѣсни ихъ застойной,
 Они, какъ пеликанъ, собой питаютъ міръ.

Не тѣшится толпа ихъ скорбными рѣчами:
Отъ нихъ, какъ отъ меча, свергаетъ полоса,
Змѣясь по воздуху волшебными огнями,
Но каплетъ изъ нея кровавая роса.

ПОЭТЪ.

О, ненасытная! Не въ силѣ
Я пѣть больной, горя отъ ранъ.
Зачѣмъ чертить слова на пыли,
Когда несется ураганъ?
Исчезла юность золотая,
Когда, безопасно разцвѣтая,
Я пѣсни чудныя слагалъ.
Съ тѣхъ поръ-же столько я страдалъ,
Что еслибъ вызвалъ вдохновеньемъ
На лирѣ горечь этихъ дней,
То, возгорясь ожесточеньемъ,
Порвалъ бы струны я на ней!

АВГУСТОВСКАЯ НОЧЬ.

МУЗА.

Лишь солнце перешло въ лазури безпредѣльной
Черту созвѣздія, дающаго весну,
Какъ стала жизнь моя угрюмой и безцѣльной,
А счастье унеслось въ далекую страну.
Забыта я съ тѣхъ поръ своимъ поэтомъ милымъ,
Я жду, когда мой другъ стоскуется по мнѣ...
Увы! Его жилие пустыннымъ и унылымъ
Стоить уже давно въ безлюдной тишинѣ.
Одна лишь я иду, какъ изгнанная Пери,
Склонять свое чело къ его забытой двери
И плавать на его покинутой стѣнѣ...

ПОЭТЪ.

Привѣтъ тебѣ, мой другъ любимый,
Моя надежда и мечта!

Опять я здѣсь, опять одни мы,
 И всѣхъ милѣй подруга та,
 Что насъ встрѣчаетъ въ день возврата.
 Людской хвалой и блескомъ злата
 Я былъ на время увлечень.
 О, мать моя! моя родная!
 Твой сынъ вернулся, неземная,
 И снова пѣсенъ жаждетъ онъ.

МУЗА.

Зачѣмъ, о, вѣтренникъ!—понять тебя мнѣ трудно—
 Отъ мирныхъ этихъ мѣстъ бѣжать ты вѣчно радъ?
 Кого, какъ не судьбу, ты ловишь безразсудно,
 И съ чѣмъ, какъ не съ тоской, приходишь ты назадъ?
 Чѣмъ занять ты вдали, когда я здѣсь тоскую?
 Напрасно ищешь ты зарницы въ темнотѣ.
 Среди земныхъ утѣхъ любовь мою святую
 Едва-ль ты сохранишь въ небесной чистотѣ;
 Всегда твое жилие пустымъ я находила
 И въ часъ, когда вездѣ стихалъ движенья гулъ,
 А я въ твоёмъ саду подъ окнами бродила,
 Ты ночи расточалъ на пагубный разгулъ.
 Иль снова любишь ты и вырваться изъ плѣна
 Нѣтъ силъ въ тебѣ опять, питомецъ бѣдный мой?
 А здѣсь, гляди, кругомъ осыпалась вервена
 И ты не проводишь отцвѣтъ ея слезой...
 Та зелень грустная пророчить увяданье

И мнѣ, когда меня твой духъ не оживить:
 Взовется къ небесамъ ея благоуханье,—
 И память обо мнѣ на небо улетитъ!

ПОЭТЬ.

Идя сегодня по равнинѣ,
 Я вустъ шиповника нашель;
 Цвѣточекъ блѣдный въ серединѣ
 Дрожалъ: бѣдняжка! онъ отцвѣлъ...
 А тутъ же рядомъ, зеленѣя,
 Бутонъ качался на стеблѣ:
 Онъ молодъ былъ, онъ былъ милѣе,—
 Такъ мать-природа, будто фея,
 Людей смѣняетъ на землѣ.

МУЗА.

О, жалкій человѣкъ! Все тотъ же ты, несчастный!
 Ногами топчешь прахъ и къ свѣту льнешь челомъ.
 Вездѣ кровавый бой, повсюду путь опасный,
 И сердце какъ ни жжетъ, все рана есть на немъ.
 Одинъ надѣется, тотъ сѣтуетъ на Бога,
 Комедию одну играетъ цѣлый свѣтъ;
 Подъ лосвомъ мишуры скрываютъ люди много,
 Но вѣрно въ нихъ одно: ихъ спрятанный светель.
 Увы! любимецъ мой, твой даръ тебя покинулъ,
 И лира ни на чтò привѣтомъ не звучитъ,

А геній твой въ чаду пустыхъ желаній сгинуль,
 Любовью въ женщинѣ до срова онъ убить;
 Растратилъ душу ты на слезы и страданья,—
 Не взыщетъ Богъ за кровь, какъ взыщетъ за рыданья!

ПОЭТЪ.

Сегодня въ роцѣ голосъ сладкій
 Я птички рѣзвой услыхалъ,
 У ней же въ гнѣздышкѣ укладкой
 Птенцовъ погибшихъ увидалъ.
 Я пѣнемъ птички любовался...
 Кто въ здѣшней жизни изнемогъ,
 Тому, вѣдь, Богъ еще остался:
 Надежда — здѣсь, на небѣ — Богъ.

МУЗА.

Но что же ты найдешь, когда въ изнеможеньи
 Вернешься ты одинъ въ очагъ забытый свой?
 Ты всюду встрѣтишь пыль,— слѣды пренебреженья,
 Оттуда улетятъ отрада и покой,
 Тамъ духъ невидимый на-вѣки поселится,
 Чтобъ спрашивать тебя: что сдѣлалъ ты съ собой?
 Иль ты надѣешься, что совѣсть усыпится
 Подъ звуки мирные поэзіи былой?
 А гдѣ убѣжище поэзіи? — Сознайся,

Что въ сердцѣ лишь твоёмъ; но сердце замолчить,
 Его спрашивать тогда ты не пытайся,
 Тлетворный ядъ страстей его испепелить.
 Лишь изрѣдка его живучіе остатки,
 Какъ змѣи обовьютъ всю грудь твою кольцомъ,—
 И кто же облегчитъ тѣ жгучіе припадки?
 Кто сѣтовать придетъ надъ горестнымъ пѣвцомъ,
 Когда Создатель самъ, быть можетъ, мнѣ прикажетъ,
 Чтобъ, недостойнаго, я винула тебя,
 Въ небесную страну мнѣ грозно путь укажетъ
 И, крыльями блеснувъ, какъ сонъ, исчезну я?..
 А прежде, помнишь-ли, ничто не угрожало
 Свиданью нашему въ таинственныхъ лѣсахъ,
 Гдѣ въ тихія мечты тебя я погружала,
 А сильфы прятались въ каштановыхъ вѣтвяхъ,
 Желая подсмотрѣть красу мою нагую...
 Тамъ слезы нѣжныя жемчужною росой
 Припомни, какъ ронялъ ты въ воду елочевую!
 Чтѣ сдѣлалъ ты, поэтъ, съ той радужной весной?
 И кто сорвалъ плоды, чтѣ я заколдовала?
 Щека твоя цвѣла здоровьемъ молодымъ,
 Которымъ я тебя отъ неба надѣляла:
 Теперь же смотришь ты безсильнымъ и худымъ.
 Безумный! Ты съ красой погубишь вдохновенье—
 И я умру отъ стрѣлъ разгнѣванныхъ боговъ;
 Когда-жъ, безкрылая, паду я съ облаковъ
 Что, жалкій, мнѣ тогда ты скажешь въ утѣшенье?!

ПОЭТЪ.

Вѣдь птичка не груститъ, извѣдавши утрату,
 А свищетъ надъ своимъ разрушеннымъ гнѣздомъ,
 И утренній цвѣтокъ, подкошенный въ закату,
 Даря просторъ полей цвѣтущему собрату,
 Склоняется въ землѣ покорнымъ стебелькомъ.

Вѣдь вѣчно мы въ лѣсу ногами попираемъ
 Подъ зеленюю живой опавшіе сучья,
 И сколько міръ земной, трудясь, ни изучаемъ,
 Мы знаемъ лишь одно, что взгляды измѣняемъ
 И дальше насъ несутъ невѣрные шаги.

Вѣдь все до самыхъ скалъ — добыча разрушенья
 И все погибшее рождается опять,
 И самая война готовить удобренье
 Для нивъ, гдѣ пронеслась рука опустошенья
 И пищу мы съ могилъ приходимъ собирать.

И такъ, что стоитъ жизнь? Зачѣмъ-же воздержанье?
 Люблю, хоть блѣденъ я; люблю — хоть буду хилъ;
 Люблю — и я отдамъ свой геній за лобзанье,
 Люблю — и я хочу, чтобъ вѣчный ключъ страданья
 Мнѣ впалую щеку слезою оросилъ!..

Да, муза, я люблю, и смѣло я рѣшился
 Разгулу и страстямъ хваленіе воспѣть,

И буду повторять, чтобъ каждый веселился,—
Что былъ я цѣломудръ, но нынче измѣнился
И въ радостяхъ любви готовъ я умереть.

О, сердце гордое! Помѣху колебаній
Отбрось безъ горечи: раскрой свою любовь!
Красуйся, какъ цвѣтокъ, среди благоуханій!
Страдавшимъ нужно жить для новыхъ испытаній,
И тѣмъ, кто ужъ любилъ—любить еще и вновь!..

ЖАНЪ РИШПЕНЪ.

ДѢВОЧКА СЪ КАШЛЕМЪ.

Небо мутно и сурово,
Иглы вихря ледяного
Бура мчитъ,
И ребенокъ на панели
Подъ ударами мятели
Весь дрожить.

Грудь сиротки безпріютной,
Душитъ кашель поминутный,
Кашель злой;
Тайна мукъ ея понятна:
На лицѣ краснѣють пятна
У больной...

Ноги худенькія жалкі,
Губы темны, какъ фіалки,
Взоръ погасъ;

Поцѣлуи лихорадки
Провели на вошѣ складки
Возлѣ глазъ.

Кашляй! кашляй! Мы внимаемъ,
Кашель твой несется лаемъ
Въ тѣмѣ ночной;
Онъ грохочетъ непрерывно,
Замирая заунывно,
Будто вой.

Кашляй! Кашляй! Звучь жестокій,
Безотвѣтный, одинокій
Сердце рветъ;
Но за то онъ всѣмъ болящимъ,
Всѣмъ на небо отходящимъ
Здрю бьетъ.

Кашляй! Что же? Ты смолчаешь
И насилу испускаешь
Слабый стонъ?..
Такъ звучить на океанѣ
Затерявшійся въ туманѣ
Дальній звонъ...

Ты головку наклонила...
Видно, близко подступила
Смерти тѣнь:

Таёзъ склоняеть подь вѣтрами
Факель трепетное пламя
Въ бурный день.

Скоро ты, забывъ печали,
Выйдешь замужъ... безъ вуали
И безъ розъ:
Ждетъ тебя сѣдой сожитель,
Всѣхъ чахоточныхъ губитель,
Царь-морозъ.

Идиллія Бѣдныхъ.

Зима провашила послѣднюю простуду
И грустный слѣдъ ея сметается повсюду.
Надолго сгладились узоры на стеклѣ,
Снѣга растаяли въ нахлынувшемъ теплѣ,
И свѣтлая весна сошла на землю божею.
Томятся дѣвушки невѣдомою дрожью,
Незримый поцѣлуй, какъ легкая мечта,
Порхаетъ и глядитъ на грѣшныя уста,
Цвѣтетъ зеленый лугъ, и нѣгой благодатной
Прониклись небеса и воздухъ ароматный...
А грубый сѣятель идетъ въ своимъ полямъ,
Не внемля хору птицъ и нѣжнымъ вѣтеркамъ.
Покинувъ душный мразъ избы своей угарной,
Онъ возвращается въ сохѣ неблагоприятной.
Пускай блещитъ лазурь, вращаются мотыльки
И шепчется волна воскреснувшей рѣки, —
Тотъ рай не для него... Въ поту, склоняясь въ плугу,

Мужикъ плодотворить ревнивую подругу,
Ту землю сѣрую, съ которой навсегда
Онъ скованъ узами суроваго труда.
Не чуетъ онъ рѣчей влюбленнаго зефира,
Не дѣлитъ праздника восторженнаго міра,
Не слышитъ подъ горой напѣва теплыхъ струй...
— Куда-жь ты спустишься, крылатый поцѣлуй?

. . . . .
. . . . .

Печаль животныхъ.

Погасъ веселый свѣтъ небесъ
И солнце спряталось за лѣсъ.
На вѣтвѣ дуба лучъ заката
Горить отливами граната,
Но блѣдный мѣсяцъ ужъ зажегъ
Въ вечернемъ небѣ тонкій рогъ.
Пастухъ задумчивый съ клюкою
Торопитъ стадо въ водою,
Толпяся овцы впопыхахъ,
Теряясь въ пыльныхъ облакахъ;
Звѣрей не видно въ темномъ полѣ;
Изъ птицъ одна еще на волѣ
Слѣдитъ за стадомъ по пути,
Пугаясь близко подойти
И лишь въ сторонѣ присѣдая.
Но вотъ ужъ нѣтъ ея. Мечтая,
Поетъ прерывисто сверчокъ.

Пастухъ играетъ въ свой рожокъ,
 Баранъ въ землѣ рога склоняетъ.
 Умольли овцы. Выползаютъ
 Изъ влажной тѣни робкій гадъ,
 И злые псы садятся въ рядъ.
 Для всѣхъ печаленъ вечеръ сонный!
 Въ созвучьяхъ пѣсни монотонной
 Тоскуетъ жалобно пастухъ,
 И чуетъ звѣрь, что темный духъ
 На землю тихую слетаетъ,
 И всякій смутно понимаетъ,
 Какая скрыта западня
 Въ закатѣ радостнаго дня...
 Нѣмая ночь! Твоя забота
 Разставить намъ свои тенета,
 Чтобъ въ утру свѣтлому успѣть
 Наполнить сумрачную сѣть!

Привѣтъ же вамъ, лучи дневные,
 За то, что вы струи живыя
 Даете міру въ добрый часъ!
 Цвѣты красуются для васъ;
 Сверкая вашимъ отраженьемъ,
 Подобно цѣннымъ украшеньямъ,
 Блистаетъ ранняя роса;
 На васъ любятся лѣса;
 Колосья гибкіе на нивахъ
 Играютъ въ вашихъ переливахъ;

Сіянемъ вашимъ обагрень,
Горитъ осенній небосклонъ,
И вами вскормленныя вина
Насъ грѣютъ въ стужу у камина.
Отъ васъ кипитъ на сердцѣ кровь
И зрѣетъ въ женщинѣ любовь.
И вотъ—безъ чуднаго свѣтила
Земля печальна, какъ могила,
И потому подъ кровомъ тьмы,
Тоскуютъ звѣри, какъ и мы.

Эпитафія — для кого угодно.

Невѣдомо, зачѣмъ на землю онъ явился,
И умеръ онъ зачѣмъ — вопросъ неразрѣшимъ.
Нагимъ онъ былъ рожденъ и лишь того добился,
Что въ гробъ сошелъ нагимъ.

Веселье и печаль, отчаянье и вѣру
Онъ въ здѣшнемъ странствіи, какъ всѣ, переживалъ,
И слезъ, и хохоту ему досталось въ мѣру, —
Онъ міръ съ улыбкой озиралъ.

Онъ ѣлъ и пилъ, а на ночь спать ложился,
Но, вставъ, опять невольно пилъ и ѣлъ:
Съ разнообразіемъ такимъ онъ помирился
И ладилъ, какъ умѣлъ.

Его добро осталось безъ награды,
Съ него нието не взыскивалъ за зло,

Въ любви друзей не видѣлъ онъ отрады,
Враги — погибли безъ него.

Любилъ онъ много разъ. Подругъ своихъ мѣняя,
Онъ пресыщенія достигъ и захандрилъ,
И вотъ — пронесся онъ, какъ туча дождевая,
И слѣдъ его простылъ...

На копѣйку мудрости.

О, я безумный! Я мечталъ,
Что наше счастье было — наше,
И что никто не испыталъ
Любви блаженнѣе и краше.

Напрасно свѣтъ наука льетъ:
Слѣпая гордость намъ внушаетъ,
Что наша воля то возьметъ,
Чего никто не достигаетъ.

Твердятъ-ли дѣды: „брось искать...
Повѣрь намъ, жизнью потертымъ“ —
Ты все-жъ надѣнешся сорвать
Трилистникъ съ листикомъ четвертымъ.

На томъ построена земля:
 Мечтаетъ струйка въ океанѣ,
 Что небо свѣтитъ для нея,
 И я дремалъ въ такомъ обманѣ.

Я уповалъ, что смерти нѣтъ
 Для нашей юности блаженной,
 Что можно тѣшиться сто лѣтъ
 Все той-же розой неизмѣнной.

Я владомъ счель пустой мѣдаю:
 Такъ вмигъ монетою червонной
 Приманить дѣвочку пошлягу —
 И роскошь снится оболъщенной!..

Я находилъ, что у другихъ
 Любовь — мерцающій огарокъ,
 Что блескъ ея — въ рукахъ моихъ
 Никѣмъ невиданный подарокъ.

Я думалъ вѣчность отыскать
 Въ восторгахъ сладкаго мгновенья
 И птицу чудную достать,
 Что будетъ пѣть безъ утомленья.

Я думалъ въ гнѣздышкѣ своемъ,
 Его крыломъ надежды грѣя,

Безсмертье высидѣть тайкомъ,
Вдали отъ Времени-злодѣя.

Я вѣриль... Боже! мнѣ смѣшно,
Во что я вѣровалъ душою:
Помои счель я за вино
И круглый сыръ считалъ луною.

Увы! Та вѣра унеслась...
Я знаю: всѣ мы, какъ былинки,
Летимъ, за вихрями кружась,
Вдали отъ избранной тропинки.

Не такъ живемъ мы, какъ хотимъ,
А какъ природа намъ укажетъ;
Что мы рукою начертимъ, —
Рука случайности замажетъ.

И я убить, и я терплю,
Но все-жъ безумно и мятежно
Свою надежду я люблю,
Хоть съ ней разстанусь неизбѣжно.

Моя непризнанная мать,
Меня Дѣйствительность казнила,
Она взялась меня поймать
И въ облакахъ меня схватила.

*

Такъ присужденъ я, какъ злодѣй,
За дерзость мысли въ сокрушенью:
Вѣдь стрѣламъ гордости своей
Поставилъ звѣзды я мишенью!

В О П Л Ъ.

Куда бѣжать? Въ какой дали
Укрыться мнѣ отъ злого горя?
Оно пространнѣе земли
И глубже моря!

Гдѣ стану жить? Въ какой тиши
На мѣрѣ свѣтлѣе глянуть очи?
Угрюмый мракъ моей души
Чернѣе ночи.

Зачѣмъ, зачѣмъ ничья рука
Не поразить меня? Повѣрьте,
Моя безумная тоска
Страшнѣе смерти!

Какъ часто въ головѣ усталой и больной
Внезапно промелькнетъ, какъ лучъ, передо мной
    Когда-то слышанное слово,—
Одно изъ тѣхъ пустыхъ, но милыхъ сердцу словъ,
Въ которомъ будто шлютъ мнѣ сотни голосовъ
    Привѣты счастья былого.

Я вижу старый годъ, далекій день и часъ,
И долго плачу я, не раскрывая глазъ,
    И вотъ — въ одномъ изъ словъ небрежныхъ
Вся юность прошлая мнѣ снится и звучитъ,
Какъ цѣлый океанъ отзывчиво шумитъ
    Въ любой изъ раковинъ прибрежныхъ...

Осенній соннетъ.

Всему положенъ срокъ: осенняя пора
Погубить и любовь, какъ лѣтнюю природу—
И жизни легкая, шутливая игра
Лукаво насъ ведетъ къ печальному исходу.

Блестящая пурпуромъ, въ повязкѣ золотой,
И осень хороша, какъ зрѣлая матрона,
Но кислый ароматъ несетъ она съ собой,
Подобный запаху увядшаго паслена.

Надъ скорбною землею, сурова и грѣзна,
Угрюмымъ призракомъ проносится она,
Лишая жизни птицъ и листья обрывая.

Я жду коварную... Ужъ вотъ она идетъ;
Она не пощадитъ, въ моленіямъ глухая,—
И лѣсъ мой обнажитъ и птицъ моихъ убьетъ!

—♦—

Ровный, безнадежный
Саванъ бѣлоснѣжный
Легъ на голый путь—
И во мнѣ на грудь!

Рощи — безъ убора,
Пали въ груди сора
Мертвые листы—
И мои мечты!

Птичка, другъ поэта,
Прилетѣвъ на лѣто,
Улетѣла вновь—
И моя любовь!

—♦—

ШАРЛЬ БОДЕЛЕРЪ.

С П Л И Н Ъ.

Когда небесный сводъ, нависшій и тяжелый,
Гнететь усталый духъ болѣзненной тоской
И жалокъ горизонтъ, какъ даль пустыни голой,
И смотреть самый день грустнѣе тьмы ночной;

Когда вселенная намъ кажется подваломъ
Съ сырыми стѣнами и мутнымъ потолкомъ,
Гдѣ робкая мечта, въ смятеньи небываломъ,
Какъ мышь летучая, пугливо бѣетъ крыломъ;

Когда струи дождя весь воздухъ застилаютъ,
Какъ прутья частые тюремнаго окна,
А злые пауки нашъ мозгъ перебираютъ
И въ душу темную спускаются до дна;

Когда волокола съ вершинъ церквей огромныхъ
Свой ропотъ въ небесамъ пытаются дослать,
Какъ стая демоновъ печальныхъ и бездомныхъ,
Собравшихся въ лѣсу неистово стонать,—

*

Тогда нѣмыхъ гробовъ я вижу вереницы
И плачу надъ своей растерзанной Мечтой,
А Скорбь меня сосеть со злобою тигрицы
И знамя черное вонзаетъ въ черепъ мой!

MOESTA ET ERRABUNDA.

Скажи, душа твоя стремится-ли, Агата,
Порою вырваться изъ тины городской
Въ то море свѣтлое, гдѣ солнце безъ завата
Льетъ чистые лучи съ лазури голубой?
Скажи, душа твоя стремится-ли, Агата?

Укрой, спаси ты насъ, далекій океанъ!
Твои немолчныя подъ небомъ пѣснопѣнья
И вѣтра шумнаго чарующій органъ,
Быть можетъ, намъ дадутъ отраду усыпленья...
Укрой, спаси ты насъ, далекій океанъ!

О, дайте мнѣ вагонъ иль палубу фрегата!
Здѣсь лужа темная... Я въ даль хочу, туда!
Отъ горестей и мукъ, неправда-ли, Агата,
Какъ сладко въ тотъ пріютъ умчаться навсегда...
О, дайте мнѣ вагонъ иль палубу фрегата!

Зачѣмъ въ такой дали блестятъ долины рая,
Гдѣ вѣчная любовь и вѣчный аромать,
Гдѣ можно все и всѣхъ любить, не разбирая,
Гдѣ дни блаженные невидимо летятъ?
Зачѣмъ въ такой дали блестятъ долины рая?

Но рай безгорестный младенческихъ утѣхъ,
Гдѣ пѣсни и цвѣты, забавы, игры, ласки,
Открытая душа, всегда веселый смѣхъ
И вѣра чистая въ несбыточныя сказки, —
— Но рай безгорестный младенческихъ утѣхъ,

Эдемъ невинности, съ крылатыми мечтами,
Неужто онъ отъ насъ за тридевять земель,
И мы не призовемъ его къ себѣ слезами,
Ничѣмъ не оживимъ умоляющую свирѣль? —
Эдемъ невинности, съ крылатыми мечтами!

Любовь и черепъ.

У человечества безсмѣнно
Любовь на черепѣ сидитъ
И съ наглымъ хохотомъ надменно
На тронѣ пламенномъ царитъ.

Устами нѣжными вздуваетъ
Она блестящія шары
И ихъ коварно посылаетъ
Сіять въ надзвѣздные міры.

Взлетаетъ шаръ подъ сводъ лазурный,
Но таетъ мыльнымъ пузыремъ,
И весь составъ его мишурный
На землю падаетъ дождемъ.

И стонетъ черепъ: „Духъ лукавый!
Разбившій тысячи сердецъ,—
Скажи: игрѣ твоей кровавой
Когда-жъ предвидится конецъ?“

„Колдунья гнусная, слѣпая!
Вѣдь то, что губишь ты шута,
Въ пустомъ пространствѣ расточая, —
То — мозгъ, и плоть, и кровь моя!“

Задумчивость.

Остынь, моя Печаль, сдержи больной порывъ.
Ты Вечера ждала. Онъ сходить понемногу
И, тѣнью тихою столицу осѣнивъ,
Однимъ даруетъ миръ, другимъ несетъ тревогу.

Въ тотъ мигъ, когда толпа развратная идетъ
Вкушать раскаянье подъ плетью Наслажденья,
Пускай, моя Печаль, рука твоя ведетъ
Меня въ задумчивый пріютъ уединенья,

Подальше отъ людей. Съ померкшихъ облаковъ
Я вижу образы утраченныхъ годовъ,
Всплываетъ надъ рѣкой богиня Сожалѣнья,

Отравленный Закатъ подъ аркою горитъ,
И темнымъ саваномъ съ Востока ужъ летитъ
Безгорестная Ночь, предвѣстница забвенья.

Превратности.

Ангель безмятежный, знаешь-ли ты горе,
Возгласы страданья, слезы сожалѣнья,
Ночи безпріютной страшныя видѣнья,
Ужасы паденья, думы о позорѣ?
Ангель безмятежный, знаешь-ли ты горе?

Ангель добродушный, знаешь-ли ты злобу,
Желчи ядовитой тайное волненье,
Приговорами мести рабское служенье
Въ трепетѣ, подобномъ бьющему ознобу?
Ангель добродушный, знаешь-ли ты злобу?

Ангель мой цвѣтушій, знаешь ты чахотку,
Въ сумракѣ больницы злыя лихорадки,
Боли нестерпимой жгучіе припадки,
Присужденныхъ въ смерти шаткую походку?
Ангель мой цвѣтушій, знаешь ты чахотку?

Ангель мой прекрасный, знаешь ты морщины,
Жалую негодность красокъ и нарядовъ
И въ замѣну прежнихъ упоенныхъ взглядовъ
На холодныхъ лицахъ сдержанныя мины?
Ангель мой прекрасный, знаешь ты морщины?

Ангель мой цвѣтущій, свѣтлый, бѣлокрылый!
На твое сіянье жадно не гляжу я,
Но съ разбитымъ сердцемъ у тебя прошу я
Лишь одной молитвы для души унылой,
Ангель мой цвѣтущій, свѣтлый, бѣлокрылый!

СЮЛИ ПРЮДОМЪ.

Разбитая ваза.

Къ той вазѣ, гдѣ вянеть вервенна,
Дотронулся вѣрь слегка,
Не дрогнули листья цвѣтка
И тихъ былъ ударъ какъ измѣна.
Но трещины тонкой пила,
Упорно хрусталь разѣдая,
Всю вазу отъ края до края
Безъ шума кругомъ обошла.
Съвозъ щель, непримѣтную глазу,
Вода истощилась до дна,
Вервенна суха и грустна,
Взгляните на стройную вазу:
Не троньте—разбита она!

Такъ, часто рука дорогая
Слегка наше сердце язвить,
Но вянеть любовь молодая
И язва на сердцѣ горить;

Снаружи для всѣхъ невидимо,
Оно сознаетъ въ тишинѣ,
Какъ плачетъ въ его глубинѣ,
Растетъ его рана незримо...
Въ немъ пусто, уныло, темно:
Не троньте — разбито оно!

СВѢТЛЫЯ МИНУТЫ.

Причина горестей для насъ несовершенна,
Причина радостей намъ часто неясна:
Есть дни, когда душа безъ повода блаженна,
И тайной прелести вселенная полна.

Все сердце радуется, на всемъ печать привѣта,
Въ жилищѣ, какъ въ душѣ, отрадно и свѣтло...
Но вдругъ спадаетъ щитъ волшебнаго запрета—
Къ намъ снова врадуются сомнѣніе и зло.

Откуда-жъ тѣ лучи мгновений беззаботныхъ,
Полураскрытые эдема тайники,—
Тѣ проблески свѣтилъ, какъ счастье мимолетныхъ,
Насъ вновь выдающихъ въ объятія тоски?

То прежняя-ль весна на сердцѣ утомленномъ
Готовится зардѣть подъ вѣяньемъ страстей,
Какъ искра поздняя въ кострѣ испепеленномъ?
Иль то предчувствіе и жажда лучшихъ дней?

О, нѣтъ! Зачѣмъ искать въ томъ ласковомъ зефирѣ
Предвѣянна надеждъ, спасенна отъ веригъ?
То счастье чуждое, блуждая въ этомъ мѣрѣ,
Ошибкой входитъ къ намъ и свѣтитъ намъ на мигъ.

В а л ь с ь .

Въ дымѣ тюля и въ морѣ цвѣтовъ
Эти блѣдныя пары несутся
И въ минутномъ объятии безъ словъ,
Какъ во власти крылатыхъ духовъ,
Отъ забвенья не могутъ очнуться.

Въ звукахъ вальса волшебная сѣть:
Въ ихъ угарѣ влюбленные таютъ
И кружатся—завидно глядѣть—
Будто вѣчно хотять улетѣть,
Будто вѣчно вернуться желаютъ.

Онъ мечтаетъ: „поймаю-ли взглядъ?“
А она: „не его-ль полюблю я?“
И уста ихъ другъ другу сулятъ
Поцѣлуя плѣнительный ядъ,
Не давая при всѣхъ поцѣлуя.

Но стихаетъ вокругъ суета
И смычковъ замирають удары,
Плачетъ зеркало... Зала пуста,
Остается одна темнота,
Исчезають воздушныя пары.

М о р е.

Когда съ мольбой и стономъ злобы
Взбиваетъ море пѣну водъ,
Оно какъ будто устаеть
Изъ нѣдръ беременной утробы
Рожать давно носимый плодъ.

Вспухаетъ тяжкая пучина—
И опускается безъ силъ...
Но вдругъ смѣняется картина:
Недвижно море, какъ равнина,
И блещетъ искрами свѣтилъ.

Тогда, стихая на постели,
Оно улыбки плетъ вѣтрамъ,
Снастямъ—играетъ на свирѣли,
И плюшки, словно колыбели,
Скользятъ безвредно по волнамъ.

И шепчетъ путнику громада:
„Прости, что гибель я даю!
Сама терзаться я не рада,
Чужда мнѣ отдыха отрада —
Я горе вѣчное таю“.

И снова вздувшись и страдая,
Клокочетъ море въ глубинѣ:
Такъ на землѣ душа иная,
Въ порывахъ бурь изнемогая,
Хоронить скорбь наединѣ.

КРЫЛЬЯ.

Великій Богъ! Во дни видѣній нѣжныхъ,
Еще дитя—о крыльяхъ я мечталъ,
Твоихъ высотъ лазурныхъ и безбрежныхъ
Я тѣмъ не оскорблялъ.

Я позже умираю; мнѣ душно было въ мірѣ,
Живой струи пытался я вдохнуть
Отъ высшихъ сферъ: не птицы ли въ эфирѣ
Мнѣ къ нимъ показывали путь?

Теперь я изнемогъ; очей на небо жадныхъ,
Не смѣю устремлять съ отважностью орла.
Но кто же за плечьми взростилъ мнѣ два громадныхъ,
Два вѣчно трепетныхъ крыла?..

Сказаль бы ей... но поневоля
Мнѣ рѣчь страшна:
Боюсь, что слово скажетъ боль,
Чѣмъ шопоть сна.

Откуда робость? Почему бы
Не быть храбрѣй?
И почему коснѣютъ губы,
Когда я съ ней?

Признанья въ вѣтренные годы
Я дѣлалъ вмигъ;
Отъ той увѣренной свободы
Отсталъ язвѣть.

Боюсь, что понялъ я невѣрно
Порывъ любить,
Боюсь слезою лицемѣрной
Глаза смочить.

Она хоть искренно полется
Но, можетъ, въ ней
Лишь съ грустью чувство отзовется
Минувшихъ дней...

ФРАНСУА КОППЕ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

Голосъ разочарованнаго.

Всѣ любить и жить! Лишь я среди людей
Стою, какъ мертвый дубъ на вешнемъ небосклонѣ...
Какъ жутко въ тридцать лѣтъ свитаться безъ стра-
стей,

Не зная ребяческой за радостью погони!

Я жалокъ, какъ больной, которому не въ мочь
Кругомъ наскучили знакомые предметы,
И онъ пытается дремоту превозмочь,
Считая на коврѣ пунцовые букеты.

Подчасъ мнѣ хочется скорѣе умереть,
И на уснувшія въ душѣ воспоминанья
Мнѣ тягостно взглянуть, какъ трудно посмотрѣть
Портрету старому въ лицо безъ содроганья.

И даже отъ любви, любви моей слѣдовъ
 На сердцѣ дремлющемъ не болѣе осталось,
 Какъ лѣтомъ на цвѣтахъ — отъ тѣни мотыльковъ,
 Которыхъ тысячи въ ихъ листовыхъ питалось.

Созданье милое, невѣдомое мнѣ!
 Быть можетъ, гдѣ нибудь тебя я встрѣчу вскорѣ:
 Кокотка смѣлая при газовомъ огнѣ,
 Иль дѣва чистая съ стыдливостью во взорѣ,—

Явись, когда въ тебѣ есть сила оживить
 Мнѣ грудь, лишенную надежды и желанья,
 Всю вѣру прежнюю во взглядѣ возвратить,
 Природу всю мнѣ дать въ одномъ цвѣткѣ лобзанья.

Приди! Какъ отдають все золото волнамъ,
 Спасаясь, моряки, чтобъ жить одно мгновенье,—
 Приди! Я душу всю — всю кровь тебѣ отдамъ
 За мигъ единственный любви и наслажденья!

Убаюканное горе.

Ты погибалъ. Промчались годы,—
Ты сталъ супругомъ и отцомъ.
А помнишь прежнія невзгоды?
Ты въ смерти видѣлъ лучъ свободы
И мѣтилъ въ голову свинцомъ.

Ты не забылъ своихъ страданій,
Ни бурь, ни тяжкихъ испытаній,
Ни страсти, бившейся въ крови,
Ни мукъ обманутой любви.
Въ душѣ врачуя слѣдъ измѣны,
Ты вѣчно жаждалъ перемѣны:
То въ шумѣ оргій утопалъ,
То въ славѣ отдыха искалъ,
То слушалъ плескъ и ропотъ моря,
Но, неразлученъ съ тѣнью горя,
Ты позабыть его не могъ.

Теперь — ты больше не страдаешь,
Но чѣмъ забвенья достигаешь?

— Мнѣ жаль тебя: ты — одинокъ!
Довольно мнѣ для этой цѣли.
Качаній мѣрныхъ колыбели,
Гдѣ спитъ мой маленький сыночекъ.

М а д ь я р ь .

Одинъ венгерскій графъ—краса степей суровыхъ,
Тотъ самый, что носилъ два перстня бирюзовыхъ
И въ битвѣ съ Турціей меча не обагралъ—
Богатства ленныя безумно расточалъ.
Однажды, говорятъ (онъ былъ на то не промахъ),—
Графъ задалъ чудный пиръ въ наслѣдственныхъ хо-
ромахъ
И вышелъ къ данникамъ почтительнымъ своимъ
Въ кафтанѣ бархатномъ, съ оплечьемъ золотымъ,
Горя камнями на шубѣ драгоцѣнной,
Едва пришитыми, съ той цѣлью современной,
Чтобъ могъ онъ ихъ ронять, танцуя межъ гостей,—
Чтобъ ихъ достало всѣмъ, на тысячи горстей
Конечно, бѣдняки собирали тѣ даянья.
Но балъ окончился. Въ минуту разставанья,
Заносчивый магнатъ, минуя длинный залъ,
Замѣтилъ старика: тотъ пасмурно взиралъ

На пирь изъ угла, скрестивъ худыя руки.
То истый былъ Мадьярь. Кругомъ затихли звуки
Рѣчей и музыки, когда надменный графъ,
Овлиевуль старика, насмѣшливо сказавъ:
„Ты, вѣжета, ни съ чѣмъ остался, мой любезный!
Мнѣ жаль! Но жалобы теперь ужъ бесполезны.
Рубиновъ, ахонтовъ ужъ нѣтъ ни одного...
Ты ихъ не подбиралъ: скажи мнѣ — отчего?“
И пасмурный вассаль отвѣтилъ госнодину:
„А видишь: мнѣ для нихъ сгибать пришлось бы
спину“.

ВЪ ЧИСТИЛИЩѢ.

Мнѣ снился сонъ. Я былъ въ гробу
И голосъ мнѣ шепталъ суровый:
„Ты будешь живъ, но въ формѣ новой
Узнаешь горькую судьбу;

Въ лѣсу осеннемъ, ночью мутной,
Ты будешь птицей безпріютной
Дрожать подъ холодомъ дождей“.
— Я полечу изъ лѣса въ ней!

„Иль нѣтъ! Ты будешь ветхимъ дубомъ
И ураганъ, въ порывѣ грубомъ,
Тебя сомнетъ“.— Но можетъ быть,
Ее случится мнѣ уврять!

„Нельзя, ты слишкомъ преданъ милой:
Въ равнинѣ голой и унылой
Ты будешь вамнемъ“.— Боже мой,
Она прижметъ меня ногой!

*

Тогда, смущенъ богохуленьемъ,
Воскликнулъ духъ съ ожесточеньемъ:
„И такъ, утратъ ея любовь—
Ты человѣкомъ будешь вновь!“

Э х о.

Я громко сѣтовалъ въ пустынѣ:
„Кто будетъ близокъ мнѣ отнынѣ,
Какъ были близки сердцу вы?“
Мнѣ ухо вторило: „увы!“

„Какъ буду жить больной и скучный,
Томимъ печалью неотлучной
И рядомъ горестныхъ годинъ?“
Мнѣ эхо вторило: „одинъ!“

„Но гдѣ укрыться? Миръ — могила.
Мнѣ жизнь безцѣльная постыла.
Гдѣ прежній блескъ, и шумъ и рай?“
Сказало эхо: „умирай!“

На воздухѣ и въ комнатахъ.

КАРТИНКИ.

I.

Она увѣрена, что тяжко ожиданье,
И знаетъ, что влялась явиться на свиданье,
Что онъ уже давно мученьями томимъ.
Въ уборной розовой предъ зеркаломъ своимъ
Она съ прическою немножко запоздала.
Теперь огорчена прелестница не мало,
Что, разодѣтая, собравшаяся въ путь,
Не можетъ второпяхъ перчатку застегнуть.
И какъ мила возня ручеи суетливой!
Какъ милъ суровый взглядъ и жестъ нетерпѣливый!
И, разсерженная, въ порывѣ молодомъ,
Стучитъ она въ паркетъ капризнымъ каблучкомъ.

II.

Вчерашнюю мятель морозецъ придавилъ.
Вся крыша, ворота и столбики перилъ,
Бесѣдка и балконъ, скамейка и заборы
Одѣлись въ ватные пушистые уборы.
Подъ небомъ сѣренькимъ въ безлиственныхъ садахъ
Бѣлѣтъ изморозь на спутанныхъ вѣтвяхъ.
Но, стойте: вотъ завать. Ничто не шевелится.
Багряной полосой край неба золотится,
Синѣтъ снѣжный доль подъ сумракомъ сквознымъ,
Отъ кровель низменныхъ идетъ лиловый дымъ,
На вѣтви зимнія ложится отблескъ алый—
И превращаетъ ихъ въ волшебные коралды.

III.

Училище. Въ углу распятіе съ цвѣтами.
Скамейки черныя межъ бѣлыми стѣнами.
Подъ чистымъ чепчикомъ, румяна и свѣжа,
Сестра-наставница, усердно сторожа
Пятнадцать дѣвочекъ, дасть имъ объясненья.
На ласковомъ лицѣ не видно утомленья,
Когда предъ ней твердятъ въ несчетные разы
Давно извѣстные и скучные азы,—
И, добродушная, она не помѣшаетъ,
Когда десятокъ глазъ пытливо наблюдаетъ
На бѣломъ доскутѣ тетраднаго листа
Движенья робкія плѣннаго жува.

IV.

Какъ часто вечеркомъ, у краснаго огня,
О птичкѣ маленькой задумываюсь я,
Погибшей гдѣ нибудь въ лѣсу непроходимомъ.
Въ дыханьи холода, при вѣтрѣ нестерпимомъ,
Подъ вѣчнымъ сумракомъ на мертвыхъ небесахъ
Ряды пустынныхъ гнѣздъ качаются въ вѣтвяхъ.
Какъ много вымерло хозяюшекъ зимою!
А между тѣмъ, когда весеннею порою
Фиалки собирать въ долину мы пойдемъ,
Скелетовъ тоненькихъ въ кустахъ ужъ не найдемъ.
И спрашиваю я, отвѣта не встрѣчая:
Куда же прячутся всѣ птички, умирая?

V.

Вчера мнѣ встрѣтились въ пути глухонѣмые,
Попарно двигались питомцы молодые.
Серьезный разговоръ у нихъ происходилъ
И каждый пальцами свободно говорилъ,
На лица странныя взглянулъ я мимоходомъ.
По полю свѣжему, подъ ярко-синимъ сводомъ,
Они сокрылись въ даль, подошвами стуча.
Остался я одинъ. Мелодіей звуча,
Пронесся вѣтерокъ въ березахъ серебристыхъ,
Звенѣли ласточки въ кустарникахъ росистыхъ,
Кузнечикъ стрекоталъ въ гвоздикахъ полевыхъ:
Мнѣ будетъ памятна судьба глухонѣмыхъ.

ЭДГАРЪ ПОЭ.

Заемствуемъ изъ нашего предисловія къ первоначальному переводу „Ворона“ (В. Европы, мартъ 1878 г.) слѣдующія необходимыя объясненія:

„Мы не нашли возможнымъ сохранить въ переводѣ размѣръ подлинника,— и вотъ причина тому. При соблюденіи размѣра и вообще вѣншей формы англійскаго стиха мы получили бы въ русскомъ переводѣ, напр., первой строфы поэмы, такой текстъ:

Какъ-то полночью глухою, въ часъ, когда своей мечтою
Я, надъ книгой наклонившись, уносился далекъ,—
Вдругъ услышалъ я, смущенный, отъ забвенья пробужденный,
Стукъ неясный, монотонный въ дверь жилища моего.
„Гость“, подумалъ я, стучится въ дверь жилища моего,
„Гость — и больше ничего“

Не говоря уже о томъ, что, соблюдая такой размѣръ, мы должны были бы во многомъ исказить смыслъ подлинника, сверхъ того, музыка подобнаго стиха въ русскомъ переводѣ нисколько не соотвѣтствуетъ характеру поэмы — печальному и мрачному. Разница произошла отъ различныхъ свойствъ языковъ — англійскаго и русскаго. Можно-ли въ самомъ дѣлѣ сказать, что вышеприведенная строфа въ русскомъ переводѣ звучитъ „зауспокойнымъ звономъ меланхоли“ (*un glas de mélancolie*), какъ вѣрно охарактеризовалъ Шарль Боделеръ тройственныя созвучія въ поэмѣ Эдгара Поэ? А между тѣмъ размѣръ совершенно тотъ же, и весь секретъ заключается въ различномъ дѣйствіи на слухъ англійскихъ и русскихъ словъ. Въ то время какъ рѣзко: *dreagu, weagu, parping, tapping, gapping, lore, door, more* — звучатъ рѣзко, какъ удары, — рѣзко: глухою, мечтою, смущенный, пробужденный, монотонный и т. д. дѣйствуютъ мягко, какъ волны. Поэтому четырехстопный ямбъ съ короткими парными рѣзкими — стихъ едва ли не самый грустный и монотонный на русскомъ языкѣ — показался намъ наиболѣе соотвѣтствующимъ содержанію поэмы. Въ своемъ переводѣ мы, конечно, старались передавать не столько буквальный текстъ подлинника, сколько его общее впечатлѣніе, и всегда, въ самыхъ отступленіяхъ, дѣйствовали въ духѣ приемовъ автора.

Въ настоящей книгѣ мы постарались, по возможности, изгладить всѣ неловкости неопытнаго стиха, какими, естественно, грѣшилъ первоначальный переводъ, относившійся къ первому году нашего появленія въ печати.

Воронъ.

ПОЭМА.

Когда въ угрюмый часъ ночной,
Однажды, блѣдный и больной,
Надъ грудой книгъ работалъ я,
Ко мнѣ, въ минуту забытья,
Невнятный стукъ дошелъ извнѣ,
Какъ будто кто стучалъ ко мнѣ,
Тихонько въ дверь мою стучалъ —
И я, взволнованный, сказалъ:
„Должно быть такъ, навѣрно такъ —
То поздній путникъ въ этотъ мракъ
Стучится въ дверь, стучить ко мнѣ
И робко просится извнѣ
Въ пріютъ жилища моего:
То гость — и больше ничего“.

То было въ хмуромъ декабрѣ.
Стояла стужа на дворѣ,

Въ каминѣ уголь догоралъ
 И, потухая, обливалъ
 Багрянымъ свѣтомъ потолокъ;
 И я читалъ... но я не могъ
 Увлечься мудростью страницъ...
 Въ тѣни опущенныхъ рѣсницъ
 Носился образъ предо мной
 Подруги свѣтлой, неземной,
 Чей духъ средь ангельскихъ именъ
 Ленорой въ небѣ наречень,
 Но здѣсь, исчезнувъ безъ слѣда,
 Утратилъ имя—навсегда!

А шорохъ шелковыхъ завѣсъ
 Меня ласкалъ—и въ міръ чудесъ
 Я, будто сонный, улеталъ,
 И страхъ, мнѣ чуждый, проникалъ
 Въ мою встревоженную грудь.
 Тогда, желая чѣмъ нибудь
 Біенье сердца укротить,
 Я сталъ разсѣянно твердить:
 „То поздній гость стучить во мнѣ
 И робко просится извнѣ,
 Въ пріютъ жилища моего:
 То гость—и больше ничего“ .

Отъ звука собственныхъ рѣчей
 Я ощутилъ себя храбрѣй

И внятно, громко произнесъ:
 „Кого бы случай ни принесъ,
 Кто вы, скажите, я молю,
 Просящій входа въ дверь мою?
 Простите мнѣ: вашъ легкій стукъ
 Имѣлъ такой неясный звукъ,
 Что, я влянусь, казалось мнѣ,
 Я услыхалъ его во снѣ“.
 Тогда, собравъ остатокъ силъ,
 Я настежь дверь свою открылъ:
 Вокругъ жилища моего
 Былъ мракъ—и больше ничего.

Застывъ на мѣстѣ, я въ потьмахъ
 Извѣдалъ снова тотъ же страхъ,
 И средь полночной тишины
 Передо мной витали сны,
 Какихъ въ обители земной
 Не зналъ никто—никто живой!
 Но все попрежнему кругомъ
 Молчало въ сумракѣ ночномъ,
 Лишь звукъ одинъ я услыхалъ:
 „Ленора!“ кто-то прошепталъ...
 Увы! я самъ то имя звалъ
 И эхо нелюдимыхъ скалъ
 Въ отвѣтъ шепнуло мнѣ его,
 Тотъ звукъ—и больше ничего.

Я снова въ комнату вошелъ
 И снова ступъ во мнѣ дошелъ
 Сильнѣй и рѣзче, — и опять
 Я сталъ тревожно повторять:
 „Я убѣжденъ, увѣренъ въ томъ,
 Что кто-то скрылся за окномъ.
 Я долженъ вывѣдать секретъ,
 Дознаться, правъ я или нѣтъ?
 Пускай лишь сердце отдохнетъ, —
 Оно навѣрное найдетъ
 Разгадку страха моего:
 То вихрь — и больше ничего“ .

Съ тревогой штору подыалъ я —
 И, звучно крыльями шума,
 Огромный воронъ пролетѣлъ,
 Спокойно, медленно — и сѣлъ
 Безъ церемоній, безъ затѣй,
 Надъ дверью комнаты моей.
 На бюсть Паллады взгромоздась,
 На немъ удобно помѣстась,
 Серьезенъ, холоденъ, угрюмъ,
 Какъ будто полонъ важныхъ думъ,
 Какъ будто присланъ отъ кого, —
 Онъ сѣлъ — и больше ничего.

И этотъ гость угрюмый мой
 Своею строгостью нѣмой

Улыбку вызвалъ у меня.
 „Старинный воронъ!“ молвилъ я,
 „Хоть ты безъ шлема и щита,
 Но видно кровь твоя чиста,
 Страны полуночной гонецъ!
 Скажи мнѣ, храбрый молодець,
 Какъ звать тебя? Повѣдай мнѣ
 Свой титуль въ доблестной странѣ,
 Тебя направившій сюда?“
 Онъ варкнулъ: — „Больше-никогда!“

Я былъ не мало изумленъ,
 Что на вопросъ отвѣтилъ онъ.
 Конечно, вздорный этотъ крикъ
 Мнѣ въ раны сердца не проникъ;
 Но кто же видѣлъ изъ людей
 Надъ дверью комнаты своей,
 На бѣломъ бюстѣ, въ вышинѣ,
 И на яву, а не во снѣ,
 Таковую птицу предъ собой,
 Чтобъ рѣчью внятною людской
 Сказала имя безъ труда,
 Назвавшись: Больше-никогда?!

Но воронъ былъ угрюмъ и нѣмъ.
 Онъ удовольствовался тѣмъ,
 Что слово страшное сказалъ, —
 Какъ будто въ немъ онъ исчерпалъ

Всю глубь души—и сверхъ того
 Не могъ добавить ничего.
 Онъ все недвижнымъ пребывалъ,
 И я разсѣянно шепталъ:
 „Мои надежды и друзья
 Давно покинули меня...
 Пройдутъ часы, исчезнетъ ночь—
 Уйдетъ и онъ за пекю прочь,
 Увы, и онъ уйдетъ туда!..“
 Онъ варкнулъ:—Больше никогда!

Такой осмысленный отвѣтъ
 Меня смутилъ. „Сомнѣнья нѣтъ“,
 Подумалъ я: „печали стонъ
 Имъ былъ случайно заученъ.
 Ему внушилъ припѣвъ одинъ
 Его покойный господинъ.
 То былъ несчастный человѣкъ,
 Гонимый горемъ цѣлый вѣкъ,
 Привышій плакать и грустить,
 И воронъ сталъ за нимъ твердить
 Слова любимыя его,
 Когда изъ сердца своего
 Къ мечтамъ, погибшимъ безъ слѣда,
 Взывалъ онъ: „Больше никогда!“

Но воронъ вновь меня развлекъ,
 И тотчасъ кресло я привлекъ

Поближе къ бюсту и къ дверямъ
 Напротивъ ворона—и тамъ,
 Въ подушкахъ бархатныхъ своихъ,
 Я приютился и затихъ,
 Стараясь сердцемъ разгадать,
 Стремясь добиться и узнать,
 О чемъ тотъ воронъ думать могъ,
 Худой, уродливый пророкъ,
 Печальный воронъ древнихъ дней,
 И что таилъ въ душѣ своей,
 И что сказать хотѣлъ, когда
 Онъ варкалъ: „Больше никогда?“

И я прервалъ бесѣду съ нимъ,
 Отдавшись помысламъ своимъ,
 А онъ пронизывалъ меня
 Глазами, полными огня—
 И я надъ тайной роковой
 Тѣмъ глубже мучился душой,
 Склонившись на руку челою...
 А лампа трепетнымъ лучомъ
 Ласкала бархатъ голубой,
 Гдѣ слѣдъ головки неземной
 Еще, казалось, не остылъ,
 Головки той, что я любилъ,
 И что кудрей своихъ сюда
 Не склонить больше никогда!..

*

И въ этотъ мигъ казалось мнѣ,
 Какъ будто въ сонной тишинѣ
 Курился ладанъ изъ кадиль,
 И будто рой небесныхъ силъ.
 Носился въ комнатѣ безъ словъ,
 И будто вдоль моихъ ковровъ.
 Святой, невидимой толпы
 Скользили легкія стопы...
 И я съ надеждою вскричалъ:
 „Господь! Ты ангеловъ прислалъ
 Меня забвеньемъ упоить...
 О! дай Ленору мнѣ забыть!“
 Но мрачный воронъ, какъ всегда,
 Мнѣ каркнулъ: — Больше никогда!

„О, духъ иль тварь, — предвѣстникъ бѣды,
 Печальный воронъ древнихъ лѣтъ!“
 Воскликнулъ я... „Будь образъ твой
 Извергнуть бурю ночной
 Иль посланъ дьяволомъ самимъ,
 Я вижу — ты неустрашимъ:
 Повѣдай мнѣ, молю тебя:
 Даетъ-ли жалкая земля,
 Страна скорбей — даетъ-ли намъ
 Она забвенія бальзамъ?
 Дождусь-ли я спокойныхъ дней,
 Когда надъ горестью моей

Промчатся многие года?“
Онъ варкнулъ: — Больше никогда!

И я сказалъ: „О, воронъ злой,
Предвѣстникъ бѣды, мучитель мой!
Во имя правды и добра,
Скажи во имя божества,
Передъ которымъ оба мы
Склоняемъ гордыя главы,
Повѣдай горестной душѣ,
Скажи, дано-ли будетъ мнѣ
Прижать къ груди, обнять въ раю
Ленору свѣтлую мою?
Увижу-ль я въ гробу нѣмомъ
Ее на небѣ голубомъ?
Ее увижу-ль я тогда?“
Онъ варкнулъ: — Больше никогда!

И я вскричалъ, разсвирѣпѣвъ:
„Пускай же дикій твой припѣвъ
Разлуку нашу возвѣститъ,
И пусть твой образъ улетитъ
Въ страну, гдѣ призраки живутъ
И бури вѣчныя ревуть!
Повинь мой бюстъ и сгинь скорѣй
За дверью комнаты моей!
Вернись опять ко тьмѣ ночной!
Не смѣй пушинки ни одной

Съ печальныхъ крыльевъ уронить,
Чтобъ могъ я ложь твою забыть!
Исчезни, воронъ, безъ слѣда!..“
Онъ каренулъ:—Больше никогда!

Итакъ, храня угрюмый видъ,
Тотъ воронъ все еще сидитъ,
Еще сидитъ передо-мною,
Какъ демонъ злобный и нѣмой;
А лампа яркая, какъ день,
Вверху блеститъ, бросая тѣнь—
Той птицы тѣнь—вокругъ меня,
И въ этой тьмѣ душа моя
Сворбитъ, подавлена тоской,
И въ сумракъ тѣни роковой
Любви и счастья звѣзда
Не глянетъ—больше никогда!!.

Страна сновъ.

По тропинкѣ одинокой
Я вернулся изъ страны,
Гдѣ царить во тьмѣ глубокой
Призракъ Ночи-сатаны,
На окраинѣ далекой,
Средь отверженныхъ духовъ —
Внѣ пространства и вѣковъ.

Тамъ деревья-великаны,
Облеченные въ туманы,
Невидимками стоятъ;
Скалы темныя глядятъ
Съ неба краснаго — въ озёра,
Безпредѣльныя для взора...
Льютъ безмолвные ручьи
Воды мертвыя свои,
Воды сонныя, нѣмыя

Въ рѣвѣ темно-голубыя.
 Тамъ, бѣлѣя въ тѣмѣ ночной,
 Надъ холодною водою,
 Точно спутанныя змѣи,
 Вьются нѣжныя лилеи.
 И во всякомъ уголкѣ,—
 И вблизи и вдалекѣ,—
 Гдѣ виднѣются озѣра,
 Безпредѣльныя для взора,—
 Гдѣ, бѣлѣя въ тѣмѣ ночной,
 Надъ холодною водою,
 Точно спутанныя змѣи,
 Вьются нѣжныя лилеи,—
 Возлѣ дремлющихъ лѣсовъ,—
 Близъ плѣснѣющихъ прудовъ,
 Полныхъ гадовъ и драконовъ,—
 Вдоль вершинъ и горныхъ склоновъ,—
 Съ каждымъ шагомъ на пути
 Странниекъ можетъ тамъ найти
 Въ дымкѣ бѣлыхъ одѣяній
 Тѣни всѣхъ Воспоминаній...
 Чуть замѣтная на взглядъ,
 Дрожь колеблетъ ихъ нарядъ;
 Кто пройдетъ близъ тѣни дивной,—
 Слышитъ вздохъ ея призывный.
 То—давнишніе друзья,
 Лица, нѣкогда живыя,—

Тѣ, что Небо и Земля
Взяли въ пыткахъ агоніи.

Кто, судьбой не пощажень,
Вынесъ бѣдствій легионъ,
Тотъ найдетъ покой желанный
Въ той странѣ обѣтованной.
Этотъ дальній, темный край
Всѣмъ печальнымъ — чистый рай!
Но волшебную обитель
Заслонилъ ея Властитель
Непроглядной пеленой;
Если-жъ онъ душѣ больной
Разрѣшить въ нее пробраться, —
Ей придется любоваться
Всѣмъ, что нѣкогда цвѣло —
Въ закопченное стекло.

По тропинкѣ одинокой
Я вернулся изъ страны,
Гдѣ царить во тьмѣ глубокой
Призракъ Ночи-сатаны,
На окраинѣ далекой,
Средь отверженныхъ духовъ, —
Внѣ пространства и вѣковъ.

ГЕОРГЪ ГАММЕРЛИНГЪ.

Счастье.

О, не теряй на счастье упования!
Пусть судьба его таитъ,—
Но, вѣрь, въ лучахъ небеснаго сіянья,
Оно неожиданно прилетитъ.
Ни ропотъ слезъ, ни жаръ твоихъ моленій
Его не вызвали на путь,
Но разогнать печаль твоихъ сомнѣній
Оно должно когда нибудь!

Иди за нимъ съ надеждой терпѣливой,
Оно блеснетъ издалева,
Какъ свѣтъ зари, какъ радуга надъ нивой,
Какъ въ темной зелени рѣка.
Оно со звѣздъ падетъ росой алмазной,
Дождемъ сольется съ облаковъ,
Среди утратъ и скорби неотвязной
Къ его лобзанью будь готовъ.

Когда въ пескахъ томительной пустыни
 Судьба смететь его слѣды,
 Оно, шутя, въ безжизненной равнинѣ
 Воздвигнетъ райскіе сады.
 Подъ сводомъ-ли удушливой темницы
 Надежда крылья разобьетъ—
 Оно какъ тѣнь залетной голубицы,
 Въ душѣ унылой промелькнетъ.

Когда его ты въ юности не встрѣтилъ —
 Узнаешь въ зрѣлые года:
 Его приходъ не меньше будетъ свѣтелъ,
 Не будетъ позднимъ никогда!
 Оно пролетъ по жиламъ опьяненья
 У старца, чуждаго мечтамъ,
 И можетъ дать въ предсмертныя мгновенья
 Блаженство стынущимъ устамъ!

П О Л Н О Ч Ь .

Дитя мое! Приди, склони голову
Ко мнѣ на грудь. Гляди: на темномъ небѣ
Потухли звѣзды, мѣсяцъ закатился
И ночь на мѣръ накинула завѣсу.

Заботы дня, сомнѣнья, бремя скорби
Остались позади. О, нѣтъ — исчезли
Судьба и мѣръ, и время, и пространство,
Скватились навсегда въ нѣмую бездну...

О, милая! скажи мнѣ: былъ-ли мѣръ?
Сдается мнѣ, что только мы съ тобою
Живемъ теперь, и прежде только жили
И пестрый мѣръ во снѣ воображали?

Да и къ чему-бъ онъ былъ? Какъ будто вмѣстѣ
Чета влюбленныхъ не рѣшаетъ тайны
Всего живущаго?.. На сердцѣ сердце—
И вотъ кольцо всей жизни мы заменили!

Много птичєѣ скрылось,
Лилій — отцвѣло,
Звѣздочєѣ — святилось,
Тучєѣ — уплыло;
Много водѣ выпучихѣ
Вѣ бездну унеслось,
Много струнѣ пѣвучихѣ
Вѣ сердцѣ порвалось!!

К О Н Е Ц Ъ .

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

	СТР.
Дума.	1
Я вспомнилъ дѣтскіе года	2
Первый слѣдъ.	4
Въ блескѣ.	6
Въ теплой тучкѣ звѣздочка свѣтила.	7
Отъ милыхъ строкъ, начертанныхъ небрежно.	8
Я сижу у проѣзжей дороги.	9
Меня зоветъ весенній шумъ дубовъ	11
Чистый образъ видѣнья любимаго.	12
Не повторяй, что радости превратны.	13
Даль прошлаго.	15
Вотъ скоро сметутся наносы мятели.	16
Слезы.	17
Я скоронилъ для думъ ненарушимыхъ.	18
Я часто вижу взоръ плѣнительныхъ очей.	20
Nosturpo.	21
Лилія.	22
Помнишь лѣтнюю ночь?	23
Два желанья.	24
Небо.	26
Я ревнивъ къ этой зелени нѣжной	27

II

	СТР.
Проснулся вновь, гляжу осиротѣлый	28
Бѣу въ сумерки: зимняя тишь	29
Любимой подруги утрата	30
Твердость	32
О погодѣ: Путь мелькаетъ, мы на волѣ	33
Шумятъ ручьи, подсвѣжные ручьи	34
На крышѣ коннаго вагона	35
Въ началѣ жизненной дороги	37
Мимолетная дума	38
Мадригалъ	39
Мимо возрастовъ	40
Иматра	41
Отъѣздъ королевы	43
Другу	46
Силузѣтъ	55
Май	58
Пигмей	60
Укорь	63
Тягость	65
Въ темные дни	66
Раскопки	67
Dolorosa	69
Поученіе	70
Нельзя въ душѣ уврачевать	71
Стансы	72
Пѣвица	74
У гроба Достоевскаго	77
Кончина Тургенева	79
Памятникъ Пушкина	82

II.

На утрѣ дней	87
Мракъ	111
Довольно	127
Обрученные	141

III.

Альфредъ Мюссе:

	СТР.
Друзья мои! Когда умру я	165
Декабрьская ночь	166
Октябрьская ночь	175
Майская ночь	189
Августовская ночь	198

Жанъ Ришпенъ:

Дѣвочка съ кашлемъ	207
Идиллія бѣдныхъ	210
Печаль животныхъ	212
Эпитафія — для кого угодно	215
На копѣйку мудрости	217
Вопль	221
Какъ часто въ головѣ усталой и больной	222
Осенній сонетъ	223
Ровный, безнадежный	224

Шарль Воделеръ:

Сплинъ	227
Moesta et erubunda	229
Любовь и черепъ	231
Задумчивость	233
Превратности	234

Сюлли Прюдомъ:

Разбитая ваза	239
Свѣтлыя минуты	241
Вальсъ	243
Море	245
Крылья	247
Сказалъ бы ей... но поневолю	248

Франсуа Коппе:		СТР.
Голось разочарованнаго	253	
Убажканное горе	255	
Мадьярь	257	
Въ чистилищѣ	259	
Эхо	261	
На воздухѣ и въ комнатахъ (I. II. III. IV. V.)	262	

Эдгаръ Поэ:		
Воронъ	269	
Страна сновъ	279	

Георгъ Гаммерлингъ:		
Счастье	285	
Полночь	287	
Много птичекъ скрылось	288	

